

В Л А Д И М И Р
МАКАНИН

Асан

Владимир Семенович Маканин
Асан
Серия «Проза современного
классика Владимира Маканина»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64476902

Асан: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-091172-1

Аннотация

Классик современной русской литературы Владимир Маканин «закрыл» чеченский вопрос романом «Асан». После него массовые штампы, картонные супергерои, любые спекуляции по поводу чеченских войн ушли в прошлое, осталась только правда. Каждому времени – свой герой. Асан – мифический полководец, покоривший народы, – бессилён на современном геополитическом базаре мелких выгод. Но победы в войне не бывает без героя. Тезки великого завоевателя – сашки, шурики и александры, отчаянно негероические ребята – удерживают мир в равновесии.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	50
Глава четвертая	77
Глава пятая	110
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Владимир Маканин

Асан

© Маканин В., 2017

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018

Глава первая

На опустевших рельсах... На открывшемся пространстве только и толпились они, новоиспеченные солдаты. Никого больше... Они вдруг видят самих себя. Вот мы какие! Нас много!.. А поезд (всего-то два вагона), на котором они прибыли, скромный такой, тотчас куда-то отгрохотал и ушел. Война!

Поезд им, конечно, осточертел, сколько можно ехать. Жаркие, протухшие вагоны, как некончающийся дурной сон. Зато теперь воздух пьянит... какой здесь воздух!.. И вот они уже братаются под кавказским небом. Ура! Ура! В обнимку. Первый взвод со вторым... Главное, сохранили оружие. (Несмотря на выпивку. Или благодаря ей!) Солдат, гляди бодрее!.. Рожи багрово-красны. От щек, ха-ха, можно прикуривать.

Почему два взвода, притом неполные?.. И почему на всех солдат только один офицер? Да и тот оказался вне дела — его сняли на станции, не доезжая Ростова, с острым приступом ущемленной грыжи... Как? Что?.. Безгрыжных офицеров в России не осталось?.. Где они, безгрыжные и безаппендицитные?

Встречающего офицера на пыльном перроне тоже нет. Но, если подумать, он бы нам только мешал! На фиг... Нет его... Зато есть какой-то бздиловатый распорядитель с воспален-

ными глазами. И с красной повязкой на руке. Этот, как водится, торопит прибывшую солдатню – пора, пора!.. Гонит с перрона... Ему бы поскорее избавиться от пьяноватых юнцов с автоматами. От этой гульной необстрелянной орды. И от войны вообще, мать бы ее перемать!

Красную Повязку только это и волнует. Скорее, мать вашу!.. Вон с путей!.. Ага!.. Через бомбленный вокзал на площадь, тоже слегка бомбленную... Вот там пришли БТРы – это для вас, пацаны! Для вас!.. Вперед!

Где БТРы?

Там... Все туда – все в колонну!

Громадный солдат, таких хмель не берет, взревел:

– В какую колонну? Ну, ты-ы! Где ты видишь колонну?

– Вы колонну как раз и организуете. Все вместе... Вы и есть колонна, – объясняет Красная Повязка. – Там ваши БТРы... И там два порожних грузовика от майора Жилина. И три грузовика с бочками бензина... Бензин тоже от майора Жилина.

Новая фамилия сразу раздражает солдат. Новобранцев по приезде раздражает всякое имя, произносимое с уважением... И они вопят:

– Блин!.. Пацаны! Обосраться можно... Мы еще и сопровождаем кого-то.

– Не сопровождаете, а просто вместе в одной колонне. Вместе движитесь... двигитесь... движигитесь... – Красная Повязка запутался в глаголе, в самом главном глаголе войны.

Солдаты, так и не построившись, уходят всей ватагой с рельсов. Наконец-то... Площадь вся в ямах... С хмельным азартом солдаты взбираются на БТРы, а БТРы, четыре боевые машины, помаленьку, борт за бортом, выдвигаются на дорогу... Ближе к грузовикам.

Ехать в сторону Бамута. В воинскую часть за номером икс-икс. Давай-давай! Колонна кое-как слепливается... Давай-давай! Вот и грузовики с бензином! Не бойсь! Не стогрим!

Появляется тихий старичок чеченец. С форменной бляхой носильщика на груди. Седая голова. На лице непреходящий нервный тик.

Он пытается ухватить Красную Повязку за рукав. Чтобы тот к нему обернулся:

– Сашик будет недоволен.

– Чего тебе?

– Ты зачем солдат к его колонне цепляешь? Сашик будет сердит.

А мне по фигу... Ты, старик, хорошо видишь? Видишь эту орду?!

Они оба видят... Солдаты, едва влезши на БТРы, прыгают. Ища место получше то там, то здесь... Гогочут, обнимаются. Несмотря на чудовищный хмель, лица многих сияют. Такие ясные, такие восхищенные молодые глаза!

Красной Повязке не хватает решимости. Но вот этот солдат, совсем уж бестолковый! Впору дать недоумку по баш-

ке!.. Кинулся к проходившим мимо железнодорожным работягам, чеченцам и русским... промасленные... невыспавшиеся... А солдат мечется. Криком крича, зовет: «Батя-аа!.. Батя-аа!..» Спрашивает работяг про отца... Солдат думает, что он все еще на Волге. Дурачок не успел проститься!.. Он думает, что его дом и родные где-то неподалеку. Не понимает, что он в Чечне. «Где батя-аа?!.. Батя-аа!..»

В помощь Красной Повязке определился тот нехмелеющий громадный солдат. По имени Жора, немислимый здоровяк... Жора сгреб солдатику, смял и ласково повторяет ему, подталкивая, подпихивая его кулачищем к БТРу:

– Найдём отца. Найдём после... Не бзди, рядовой!

Красная Повязка все знает и потому торопится. Как ему не знать, что притормозивший в солдатских кишечниках хмель ещё только готовится обрушиться на них по-настоящему. Обязан обрушиться... Заглавный хмель. На их молодые мозги. Ах, ч-черт. Ах, как ударно, как стопроцентно хмель может отключить пацанов! Вырубить... Ах, сучары.

Зато Жора... Жора всегда кстати!.. Амбал.

И плюс ему в помощь объявившийся сержант... Сержант с двойной фамилией Борзой-Бабкин только-только проспался. Он ничего не помнит. Кто он?.. В каком он взводе.

– Пацаны! – орёт сержант.

Тем не менее два ума лучше. Сержант Борзой-Бабкин и Жора спохватились. Среди бодрящейся пьяни оба уже смекнули, что дело не ах!.. и что братающиеся солдаты в таком

виде до назначенной воинской части за номером икс-икс не доедут.

Красная Повязка язвительно успокаивает:

– Доедут... Но не все... Здесь все никогда до места не доезжают.

– Как так?

– А вот так. Здесь это обычно... Здесь Чечня... Может, слышали?

Красная Повязка знает и гнет свое. Вон с площади!.. Всех на БТРы... Всех в путь!.. Он при вокзале никого не может оставить. Даже мертвую пьяных он не оставит... Эту орду?.. Отоспаться им?.. Где?.. Как?..

Красная Повязка хватается за пистолет. С ума сошли! Солдатам отоспаться? Еще чего!.. Зачем они сюда приехали – неужели спать?.. А какие для них стоят красавцы БТРы!.. Сажайте! Сажайте солдатиков. Что ни говори, солдатское место – на БТРе. Ух, хороши!.. Великолепно глядятся на броне! Чудо!.. Им разве что не хватает оркестра.

Однако Жора и сержант прихватили Красную Повязку. Справа и слева. Ты распорядитель – ты дорогу обеспечи!

– Я распорядитель только на вокзале.

– Обещать!

Красная Повязка, подумав, находит вроде бы компромисс. Три грузовика с бензином трогать нельзя. Бензин отправляют по приказу майора Жилина! Это очень-очень большой человек... Никакой задержки!.. Но зато этот бен-

зин пройдет по дороге как раз мимо вашей части...

– И что?

– А еще два пустых грузовика...

– И что?

– Пройдете единой колонной. Понятно?

Красная Повязка ловко подкинул им эту мыслишку, насчет двух пустых грузовиков. Если пацанов совсем развезет. Практически пустые пойдут два грузовика. Ну, опилки на дне. Как всегда, в пустом кузове опилки... Для сохранения будущих грузов.

Жора и сержант переглянулись. Подброшенная мыслишка пробила им в головы. Опилки. *Не для сохранения грузов, а для сохранения пацанов...*

А Красная Повязка торопит, уже подгоняет на БТРы самых последних:

– Нельзя! Нельзя вам здесь!.. Убирайтесь... Грозненским чеченцам не нравится, когда здесь толпятся солдаты! Вы должны были приехать еще ночью!.. В темноте!.. Чтоб вас не видели!

Из Грозного колонной кое-как выползли, но дальше сделалось неладно. Пацанов внутри БТРов развезло, тошнило. Пацаны вылезли на броню, на воздух, но стали падать с боевых машин, как мешки... Едва на большой дороге прибавили в скорости... Как зрелые сливы. Солдатики сыпались с БТРов прямо на дорогу.

А сзади шли грузовики. Смотреть в оба, мать вашу!.. Один сломал руку... Другого солдата едва не придушило трансмиссией. А те, что внутри БТРов, спяну блевали и задыхались... Воинская слава дается не сразу.

Колонна притормозила, и солдатня инстинктом, без приказа сама перебирается с боевых машин в два порожних грузовика. Перелазят... Кой-кому приходится помочь. Со всем отключившихся Жора и сержант Борзой перебрасывают враскач – раз-два! – через борт. Всех туда... И никакой поименной переклички!

Там, в грузовиках, надежнее. На мягких опилках!.. Ото всюду плывет сладкий предгорный воздух! Это чистый кислород!.. Это Кавказ! Распахнувшийся Кавказ окутывает мозги. Окутывает и нежит молодую душу... Кавказ зовет к себе... Новобранцы счастливы! Нет-нет и они встают в полный рост – в прыгающем кузове движущегося грузовика. Трясут автоматами. (Если Жора или сержант оружие отнять не успели.) Падают и опять встают...

И вот уже стреляют, стреляют! Где эти чертовы чечены? Где война?.. Командиры, ау-ууу!.. Некоторые рвутся воевать прямо здесь и сейчас... Сколько можно медлить! Надо ввязаться в какой-нибудь бой, прежде чем развезет от жары.

В бой! И поскорее... Эти чертовы грузовики, что с бочками бензина, нас только тормозят. Они впереди колонны. Неповоротливые, мать их! Говнюки! Дайте нам дорогу!.. Мы бы уже всю воевали!.. Если бы не эти грузовики.

У самых пьяных Жора и сержант Борзой продолжают отбирать оружие, автоматы под брезент!

Жора и сержант вынужденно разделились – в кузове первого порожнего грузовика бдит Жора. Его задача усадить на опилках (желательно уложить) самых упившихся и буйных. Таким водки всегда мало! Спать не желают... Уложить... Пусть ползают теперь по опилкам и друг по другу.

Во второй грузовик сержант Борзой-Бабкин отобрал более спокойных и сонных. Всем лежать... Спать на опилках, чего уж лучше!.. Едва докурив, сержант Борзой и сам засыпает.

Но ненадолго. Заснувшие шевелятся. Кто-то поднимет башку... Кто-то негромко зовет кореша:

– Мудила-аа... Мухи-и-ин!

Однако сержант Борзой, лежа сверху (сразу на двух-трех солдатах), спит бдительно. Он начеку. Если кто зашевелился, сержант, не просыпаясь, тотчас переползает на него. Наваливается. Под сержантской тяжестью (и властью) тот притихает. Заснул. С ним вместе засыпает и сержант. Хоть и опять ненадолго.

Зато Жора в первом грузовике держится на ногах вполне. Он в отличие от сержанта не переползает через своих подопечных. Он перешагивает. И затем просто сшибает с ног очередного буйного, некстати приподнявшегося. Р-раз!.. И тот уже барахтается на дне кузова. На опилках. Кричит:

– Как ты мог, сучара! Как ты мог меня!.. Рядового Копте-

ва!... Ответишь!

Но Жора даже не смотрит на него. Он один стоит сейчас в рост в кузове грузовика. Чуть держась за кабину... Он один смотрит на дорогу. Он просто один. Ему нравится, как клубится кавказская пыль. Как она мощно завихряется!

Двадцатилетнему Жоре хорошо стоять. В кузове мчащегося грузовика. Ему думается, он сейчас в далеком солнечном детстве. В самой глубине детства!.. Мне пять лет, думает он. Нет, семь.

На пустой платформе застыл Красная Повязка. Он в некотором ступоре... Вокруг опустевшие рельсы, пустые пути, безлюдный вокзал. Тихо.

Сзади к Красной Повязке вновь подходит старик чеченец. Он без тележки, однако же опять со своей, никому здесь не нужной бляхой носильщика на груди.

Оба молчат.

– Сашик будет недоволен, – опять изрекает старик.

– Да фиг с ним, с Сашиком.

– Не говори так.

Красная Повязка сплюнул в сторону. Слава богу, разделся с солдатней. Надо же!.. Из Ханкалы ни одна зараза не приехала солдат встретить!

Бедолаг-солдат гоняли с поезда на поезд. Не спавших. Не евших... Счастливики, они хотя бы водки нажрались... Сначала туда-сюда под Ростовом. Забыли придать офицера

вместо заболевшего... И почему только один офицер? И даже в Моздоке трижды! – трижды их пересаживали!

– Давно таких солдат не было, – вздыхает старик чеченец.

– Давно.

– Таких пьяных совсем не было. Не помню.

– Год назад были.

– Э-э!.. Целый год!

И Красная Повязка, и старик думают об одном – и зачем сюда таких присылают? Кто их собрал? Откуда они?.. Как будто приехали из прошлого.

– Сашик будет недоволен, – со вздохом повторяет старик. – Зачем же незнакомых солдат – в его грузовики?

Красная Повязка, еще разок сплюнув, спрашивает:

– Ты разве видел его здесь?

– Два дня назад.

– И как?

Старик скорбно произносит:

– Сашик совсем не улыбался.

Глава вторая

– Да-ешь войну!.. – орет солдат. Весь в опилках... Кое-как поднявшийся в тряском кузове грузовика.

Устроил бы и мир с чеченами. Долгий-долгий мир... Чечены тоже люди. А солдаты могли бы половить здесь рыбку. В горных речках, говорят, отличная рыбешка, хотя и мелкая.

Однако все-таки общее и дружное солдатское мнение – на войну! Мать вашу! Почему так медленно едем?!. Начхать! Дайте нам дорогу!.. Бензин?.. Горючка для майора Жилина... Кто такой этот гондон Жилин? И уже сколько про него базара!.. *Нахер* его!

Три его грузовика с бочками?.. Вот и пусть их чечены спалят!.. Начхать... У-уууу! Как огонь запылывает!..

Они уже отъехали около ста километров. Им начхать.

Зато майору Жилину не начхать на грузовики с горючкой. Майор Жилин – это я.

Прораб Руслан хладнокровен. Руслан мне звонит без паники. Он только-только подключился к колонне, чтобы сопровождать грузовики с бензином... Да, да, проблема! Колонну остановили... Еще и гор не видно, а уже проблема!

По его словам, дело идет к большому выкупу или к большой крови. Колонна стала на полдороге. Перегородившие путь чичи требуют денег.

Пьяная солдатня, Александр Сергеич. В грузовиках... В дым пьяная... Их всех порежут. Их почему-то прикрепили к нашей колонне.

– Чичей много?

– Достаточно.

– БТРы стреляли?

– Слава богу, нет.

Отзвонив майору Жилину, свой мобильный телефон Руслан, конечно, спрятал. Тут же!.. Мобильник здесь, на дорогах, зачастую повод и предмет первой ссоры. Первая искра!

Но голос его не дрогнул. Это хорошо.

– Еду, – говорит майор.

Разрулить ситуацию. И поскорее!.. Руслан будет стоять до последнего.

Говоря общо, Руслан – чеченец, и он ненавидит федералов. Но говоря конкретно, Руслан – чеченец, и он честен в порученном ему деле. Такой коктейль чувств... Частый здесь, в Чечне... Майор Жилин знал своих. (Я знал. Я так и видел Руслана с трехцветным российским флажком. Стоит Руслан, не дрогнет... Возле нашего головного грузовика, полного по самый край бочками с классным бензином. Это как жидкая взрывчатка.)

Чеченцы-вояки, напавшие на колонну, наверняка подсмешиваются над Русланом. Что делает прораб на большой дороге?... Мало-помалу оскорбляют. У него в отличие от боеви-

ков нет ни автомата, ни пистолета... Только флажок.

А потому майор Жилин, выскочив на прямую дорогу, гнал вовсю свой джип-козелок. (Я уже гнал. Я спешил.)

Но кое в чем майор Жилин заторопился. Не угадал в выборе солдата... Майор взял его, чтобы при случае тот порулил. Или чтобы солдат выставил в окошко дуло автомата, когда майор сам будет рулить. С виду солдат как солдат... Угадать трудно... Когда берешь кого-то в помощь.

По расстоянию были не так далеко, успевали...

Издали уже видны чеченцы. Мелкие фигурки, стоя возле колонны, трясли автоматами... Солдат загодя сильно трусил. Глаза совершенно круглые! Хотя он и выставил свой автомат.

Звонок... Руслан сумел-таки позвонить мне еще раз – чичи разъяренные, майор!.. Они только-только из зеленки. Бомбленные... Голодные... Будьте готовы ко всякому.

Да, да, полевой командир согласился, чтобы майор Жилин дело с захваченной колонной разрулил. Чтобы замирил. Командир согласился, как только услышал, что майор Жилин сейчас недалеко. И конечно, чтобы деньги... Полевой командир так и сказал: «Майору я доверюсь. Но пусть приезжает скорее. И с деньгами».

– Какие они солдаты, Александр Сергеич! – торопился сказать Руслан. – Так себе... Салаги.

– А офицер?

– Нет его.

Майор переспросил – не набивают ли чичи цену, Руслан? Надо ли сейчас так спешить?..

– Надо, надо, Александр Сергеич. Крови много будет!

– Война, Руслан.

Чеченцу лучше сразу и прямо сказать главное. Озвучить. Чеченца не надо успокаивать. Тогда он сумеет включиться весь... На главном инстинкте. Проблема в том, что у майора Жилина как раз в те дни не было денег. (У меня были деньги, но мало.)

– Александр Сер...

Разговор с Русланом прервался. Помехи... Близость к колонне уже мешала слышать. Всякая колонна – гора металла.

Однако помехи возникли не только в эфире...

Прямо на дороге... Перед машиной вдруг вырос чич с автоматом. Выскочил из кустов.

– Ч-черт!

Когда добираешься до заблокированной колонны, конечно же, чичей не миновать. Их дозорный здесь, на дороге, был вполне на месте. Даже обязателен был дозорный! Но он не должен был выскакивать из кустов внезапно.

Были же предупреждены, что едет мирщик! Что будет замирение и что, вполне возможно, будут немалые деньги. И вообще – что за дозорный и что за постовой, если он без окрика вдруг выскакивает на дорогу и целит тебе прямо в лоб.

Солдат выстрелил первым. Открыв на ходу дверцу и вы-

ставив автомат... Майор Жилин только успел чертыхнуться. (Я чертыхнулся... Мы убили... Осложнили дело.)

Теперь все зыбко... Как глупо!.. И, как всегда в минуту опасности, я перестал видеть себя (и ощущать себя) майором Жилиным – просто «я». Я ехал. На нерве. На инстинкте... Я и мой никудышный солдат.

Сердце вибрировало. Что толку!.. Еще слышнее вибрировало сердце моего солдата... Ага! Вот и нормальный чеченский пост. Стоит на дороге чич. Окрикнул... Поднял руку.

И сразу махнул вдоль дороги – проезжай, мол.

Он, мол, обо мне, майоре Жилине, уже все знает. Что я еду мирить, что я близко, знает. Что я в стареньком джипе-козелке... Но он не знает, что в полста метрах от него убитый чеченец. Узнает!.. Такое узнается скоро... Мы даже не оттащили убитого в кусты. Лежал у дороги, раскинув руки. Но прятать убитого – это почти всегда оказывается только хуже. Хуже в итоге. Это всегда внезапно и непредсказуемо злит.

Уже почувствовалась охраняемая линия. Мой солдат стал бел лицом. Это он убил чеченца. В ту минуту, когда я рулил.

Колонна на виду... Мои грузовики. Стоят в нитку. За грузовиками БТРы, пустые, как я уже знал, без солдат. Боевые машины легко угадывались... в конце колонны, изогнув ее линию.

Полевого командира чеченцев я *где-то* и *как-то* и *когда-то* видел. Но вспомнить не вспомнил. Жаль!.. Он был

окружен небольшой напористой группкой своих. Наперебой говорили... Я почти наехал на них. Сделал это с умыслом. Двоих, что на пути, даже задел слегка, подтолкнув бампером, – отскочили. Еще и гуднул им... Дорогу, орлы!

Расступились. Иначе я командира и не угадал бы. Все они, в общем, были одинаковы. Жутковаты. В грязных камуфляжах, только-только с гор. Но когда я, выпрыгнув из джипа, подошел к командиру, они вновь сомкнулись в кружок. Я был внутри... Какие лица!.. Зачуханные, в пыли и в грязи! Голодные!

Только-только выползли из зеленки. И страшно, затхло пахли. Когда стояли в кружок.

– Са-ашик, – полевой командир поздоровался со мной за руку. – Вот и мы. Встреча у нас с тобой случилась.

– Вижу, вижу.

– Для начала все хорошо. Никто не стреляет, а?

Я дружески улыбнулся:

– Для начала ты сводил бы их в баню.

Полевой не ответил. Засмеялся... Но сдержанно... И, замахнувшись рукой, отогнал своих орлов чуть подальше. Мол, он тоже боится задохнуться в их вони.

– Переговоры! Переговоры! – покрикивал он на своих, еще и еще отгоняя на шаг-два.

Теснота, мол, не обида, однако мешает.

Мы с командиром, бок о бок, сделали несколько шагов в сторону застрявшей колонны... Вот она... Грузовики с мои-

ми бочками. Мы с командиром шли дальше – туда, где гул и вопли. А вот и они – два (моих же) грузовика, набитых шумной солдатней.

Руслан не с бензином, а возле грузовиков с пьяными солдатами. Понятно... Правда, в руках Руслан не держал трехцветный российский флажок. Не тот случай. Правильно... Я махнул ему. Все правильно... Будем, мать их, делать дело!

Дело меж тем непростое... Да, я стоял рядом с полевым. Да, полевой разговаривал с уважением... Но два молодых чеченца так и не отстали от меня, от моей незащищенной спины. Приклеились. С горящими глазами... Они стояли и нет-нет держались рукой за нож на поясе. Картинно! (Хорошо, что мой солдат остался в джипе. Ему было бы несладко.)

Эти двое изображали кровожадных. Они умышленно стеснили, блокировали меня сзади. Вспыльчивые... Молодые!

– Что там? – спросил я, указывая на грузовики.

Особенно на ближний... Солдаты там словно барахтались на дне кузова. Этакие полусогнутые... Пьянь... Только один и стоял на ногах. Здоровяк... Как только кто-то из барахтавшихся поднимался в рост, здоровяк ударом кулака сваливал его опять вниз, на дно кузова. Туда, где все... Они там ползали и гудели... Что-то пьяно выкрикивали... Казалось, в опилках они роются, ищут. Ползают там и ищут последнюю потерянную копейку. Каждый свою.

Этой копейкой была сейчас их жизнь.

– Там, Сашик, товар, – сказал полевой, но уже без улыбки.

Глаза его сузились. Начинался торг. И полевой командир сразу, с разбега, назвал цену этих солдатских жизней-копеек – пять кусков. Ого!.. Три ноля. Полевой даже написал, начертал рукой в воздухе эти три ноля вслед за пятеркой. 5000. Зелеными... Я только улыбнулся – нет, дорогой, я не спорю. Но я хотел бы посчитать поточнее... Где есть реальный товар, там есть реальная цена.

Я позвал, махнул рукой – от грузовика с солдатней отделился Руслан и сразу сюда. Ко мне... Вроде как Руслан всегда помогает мне при денежных подсчетах.

Пока он шел, один из солдат в кузове грузовика все-таки встал... Посмотрел мутно... Нет. Он не смотрел... Он просто перегнулся через борт и мощно блеванул. К нему уже спешил, уже пробирался тот здоровяк с кулаком. Но солдат, облегчившись, проворно упал... Сам залег... На дно кузова... И даже с расстояния слышалось, как он там, весь в опилках, гоготал: гы-гы-гы... мол, во как обманул здоровяка Жору!

Чеченцы – оба, молодые, – опять подержались за ножи. И что-то обидное крикнули по-чеченски подошедшему Руслану. Тот чуть побледнел, но смолчал... Хладнокровен.

Руслан (словно нахваливая товар) рассказывал мне, что солдаты только-только с поезда, молодняк! Их отправили сюда из России какие-то кретины!.. Солдаты наверняка пили уже в поезде. Закусывали домашней курочкой. С картошеч-

кой, прикупленной на полустанках. Веселились. Гоготали... И сразу по прибытии добавили какой-то дряни. Возможно, паленая водка... Вряд ли умысел... Вряд ли подставили... Просто бардак! Ни один офицер их не сопровождал...

– Погоди, Руслан... Минуту!

Не все дослушав, я не удержался и позвонил на известный мне блокпост. Что на выезде из Грозного. Я звонил, а молодые чеченцы придвинулись ко мне, готовые при всяком неверном моем слове вышибить трубку... Ну и заодно мозги.

С блокпоста мне ответили – да, проследовали. Наши солдаты. Да, сильно навеселе. Там, в пустых грузовиках. У них какая-то долгоиграющая пьянка.

– Что за пьянка?

– Не знаем, товарищ майор. Напились какой-то дряни.

– Отбой, – сказал я.

А Руслан рассказывал... Лихие солдатики, они попробовали на вокзале и травку курить. Все сразу... Много наслышаны о травке. Как же, как же! Кайф!

Полевой командир с интересом слушал. Каждое слово укрепляло его позицию в торге... Ну, попались!.. Только-только призванные! Прямоком из России. Вот это добыча...

А два молодых горячих чеченца снова вплотную приблизились ко мне со стороны спины. И знаками показывали один другому, какие они опасные... Я знал, не оглядываясь... Нет-нет и тискали рукоятки ножей. Настоящие кинжа-

лы. Сжимали рукоять, как крепкую руку товарища.

И что-то негромко меж собой, по-чеченски...

Полевой кивал им и улыбался – да, удача. Да, да, его орлы только-только вылезли из зеленки целым отрядом... и такая сразу добыча! Пять тысяч... И, не сдержав радость, полевой бацнул по плечу одного из молодых с горящими глазами.

– Повезло, а?

Даже этому молодому все было ясно – давай-давай доллары, майор, иначе твоих солдат в грузовиках прикончим. Всех до последнего. Сейчас же. Прямо тут, на дороге.

– Воины не станут убивать спящих, – холодно заметил Руслан.

Но красивая подсказка, срабатывавшая иной раз в начале войны, уже омертвела. Киношная лесть не прельщала. Полевой усмехнулся в мою сторону и махнул рукой: «Ну уж нет! Воины – это было когда-то... Мы, Сашик, теперь не знаем эти старые слова! Мы их *нахер* забыли!». Полевой говорил, гортанно вскрикивая... На высокой ноте... Доллары уже жгли ему нутро. Сильнейшая наших дней изжога.

– Пять кусков – хорошие деньги, – сказал я деловито. – Но надо, командир, посчитать честно.

– Как это?

– А посчитать, сколько солдат. Прикинуть, кто пьян, а кто нет... Получится человек тридцать... А если вычесть трезвых... Которые могут за себя постоять... Правильно?

Я навязывал какую-никакую логику:

– ...Мы платим выкуп только за пьяных. Правильно?.. В БТРах водили все трезвые. Шоферы трезвые... Пулемет тоже трезвый. Правильно?.. Считаем, сколько пьяных... Потом считаем, сколько трезвых...

Молодые чичи аж затопали ногой от нетерпения. Полевой спросил:

– Долго будешь считать, Сашик?

Он, конечно, понимал... Я, переговорщик, тяну время. Выгадываю. Чтобы, возможно, чем-то козырнуть.

– Разве мы торопимся, командир?

– Сам сказал, им в баню надо.

Полевой засмеялся. Удачно мне ответил... А потом показал на этих двоих, что за моей спиной. Готовых к резне.

– Они очень торопятся.

Я даже не кинул вполоборота взгляд. Горячие юнцы. Как не понять!.. Вот сейчас бы и выхватить ножи... И резать русских... Этих сволочей... Этой солдатни прямо на дороге попало больше сорока рыл!.. Два, что ли, неполных взвода!.. Во как!.. Всю жизнь после этого можно гордиться. Похвастаться... А когда состаришься, детям рассказать. Сорок пять их было!.. Зарезали, как барашков. А кто-нибудь льстиво поправит – нет, больше, чем сорок пять... Это больше, если два взвода!

Я, сказать честно, уже не слышал вонь этих юных нукеров... Я уже сам вонял, весь в поту. Я все-таки обернулся и похлопал одного из них по плечу. (Он отшатнулся. Весь в

нервной дрожи.)

– Хорошие пацаны у тебя, командир!.. Хорошие!

Я выдал восхищенный вздох. Но (переговорщик!) продолжал свое:

– Однако, командир, твои ребята не все так торопятся, – и я мотнул головой в сторону группки бойцов, что поодаль.

Надо отдать должное части чеченцев... Как ни засиделись они в горах, как ни намерзлись у своих хилых, притаенных (от вертолетов) костров, они сейчас не схватились за ножи. Не торопились отличиться, убивая буйных пьяных, что в первом грузовике, и режа сонных, что во втором. В бою, в засаде – это бы лучше! Это бы самое оно!.. А с пьяни лучше взять деньгами, а не пьяной кровью.

– Конечно, если б настоящая засада, можно бы и дорого заплатить. Если б атака... Бой – вот дело для чеченцев достойное, – я льстил вслед за Русланом.

Я продолжал, пренебрежительно фыркнув:

– А что тут, в грузовиках?.. Чем похвастаешься, командир?.. Это же дармовщина. Это ж халява!

Я, такой нехороший, пытался принизить их удачу. И левой, осердясь, коротко меня перебил:

– Ачх!..

Коротко и ясно. *Деньги!*.. Командир не мясник!.. Разве он не ждал здесь майора Жилина столько времени?.. Потому и ждали Сашика. Потому и торчим на дороге так долго, задержав колонну, – ждем не крови, ждем денег. *Ачх!*

Вот его последнее слово. Мирщик майор Жилин докладывает сейчас... сейчас же!.. по телефону своему командованию. Командование выплачивает деньги. Сразу... Конечно, сразу... В течение часа-двух... Командир прекрасно понимает, что у Сашика нет таких наличных. Или есть?.. Ну-ну! Чеченцы знают, что у Сашика водятся деньги. А если нала нет, пусть-ка тогда штабные пороются в своих карманах поглубже!.. Звони, майор... Что у вас за война! Должен же кто-то из ваших штабных ответить за этот пьяный бардак и разгуляй! (А никто не ответит... Если я позвоню... Штабные пошлют майора Жилина на.)

– Но ты же БТРы взял и держишь... И бензин мой, сколько бочек... Целая колонна, заспешил было я.

– Не-еет, Са-ашик... Не хитри... БТРы пропустим. Колонну пропустим. Твой бензин пропустим.

И он мягко улыбнулся:

– Товар – люди.

Я разозлился на его улыбку, но еще больше на самого себя. На майора Жилина, который (как вдруг оказалось) слишком уперся... увлекся в торге... не уступает майор! (А меж тем за плечами мертвяк. Который лежит на въезде!) Неосторожное слово – и меня прикончат. Прямо здесь. Вдоль ничейной дороги... здесь даже не хоронят... Падаль!.. В кусты... Здесь все внезапно!

Я с холодком покосился на кусты. Колючки!.. И вокруг безмятежно высокая трава.

Притом что бензин чеченцы майору Жилину отдают... грузовики отдают... дорогу отдают... вот разве что солдатики в ауте.

Но что майору Жилину эти солдатики... Жаль пацанов, так и будут порезанные валяться в кустах! Не протрезвев, не проснувшись!.. А себя самого майору Жилину не жаль?

А между тем я не вояка. И однажды, в Ялхой-Мохи, едва не сгорев заживо (облитый моим же бензином), я уже сказал себе: стоп, стоп!.. Не та война, майор, чтобы бросаться жизнью. Над мирной высокой травой птички порхают.

Эта высокая трава меня достала! Я даже спросил сам себя – почему ты, майоришка, такой заводной?.. ты что, крутой?.. Я спросил себя: куда ты лезешь, дерьмо в камуфляже, когда у тебя дома жена и дочка?.. Каждый день ждут... Война отдельно – ты отдельно. Запомни... Ты просто служишь. Ты просто служишь на Кавказе.

Я слышал, как по спине двинулась капля пота. Ползет... Высокая трава!.. Пацанов тебе жаль. Ах, ах!.. Будут валяться в траве и в кустах!.. Ах, какие молодые!.. Но взгляни честно. Они приехали убивать. Убивать и быть убитыми... Война.

Сиди на своем складе, майор. Считай свои бочки с бензином... и с соляркой... с мазутом...

Кляня себя (и слыша всем известные нервные рези в желудке), я меж тем продолжал торговаться. Майор Жилин продолжал торг с полевым командиром.

Полевой командир, слово к слову, уже навязывал, продавливал свои пять тысяч. (Но и я уже собирался козырнуть в посреди дорожном споре.)

Выкупная цена солдата, пока солдат не в яме, была в те дни невысока – сто пятьдесят-двести долларов. Немногим больше, немногим меньше... Я вполне уловил скорый подсчет командира. Сто пятьдесят зеленых умножить на тридцать-сорок (пьяных и сонных) – как раз и будет около того.

Оба, в полушаге от резни, мы думали о деньгах. Такая на дорогах жизнь. Я думал о денежном (и заодно человеческом) эквиваленте моего бензина. А полевой, войдя во вкус, – о своей грезе в пять тысяч налом.

Боевики сидели на корточках вдоль дороги... Отряд расслабился. Курили... Автоматы заброшены за спину. Некоторые прямо под колесами (моих!..) грузовиков. Призакрыв глаза... Вялые... Один сидел, обняв колесо, вот уж кто не даст удрать-уехать!

Но если не будет денег, вялые проснутся. Еще как! Их будет трясти от вида крови! Солдат порежут, бензин заберут сверх...

Ну, может, за половину бензина в итоге мне заплатят. После... Чтоб меня не злить.

Сейчас козырну... Пора?

Это черт знает что! Я ведь думал о моем бензине. Все время о бензине. Исключительно о бензине... О бочках думал и о грузовиках... а меж тем выручал этих пьяных желто-

ротых придурков. Эту одуревшую солдатню! Полный кузов пьяни!.. Увлёкся, майор Жилин. Постоять на краю, а?..

Сейчас козырну.

– А все-таки, командир, мне важно... – прибавил в голосе я. – Слышь!.. Надо считать по головам. И после сложить... Я должен знать. Во что в итоге обойдется один выкупленный солдат.

– Хочешь калькулятор? – полевой смеялся.

– Хочу обмен.

– Ну-уу? – полевой командир так и вскинулся.

Какой обмен?! Еще чего?! Разговор, по его мнению, уже не должен был уходить от названной цифры. Ни на шаг... Ни на копейку... Пятерка с тремя нолями уже гляделась командиру как нечто ожившее. Как живое. Как, скажем, барашек. Бегаёт под ногами... Кудрявенький! По травке, по травке!

– Ехал к тебе на эту встречу и видел, – начал я как бы равнодушно и вяло. – Стоит колонна ваших... Машин пятнадцать, не считал. В Ачхой-Мартан, а может, они и дальше, в Грозный... Немного женщин с овощами. Немного ребят с автоматами. Но в основном старики... Седая башка там, седая башка здесь. Из Бамута колонна, я думаю...

– Почему стоят?

– Нет бензина. Кто-то им, я думаю, пообещал... Из ваших горцев. Из торгашей... Пообещал, сволочь, что прямо на дороге поможет – подбросит им горючку.

Полевой глянул, усмехнулся – думал, что я намекаю на

оплату пьяных солдат бензином. На мои бочки с бензином, что в колонне. Бочки, которые сопровождает Руслан. Которые, если надо, чичи сумеют и сами взять. Без торга... Хоть прямо сейчас.

– На бензин не меняю, – насмешливо процедил полевой.

– Я и не предлагаю, командир, менять на бензин. Ты спятил!.. Я к тебе ехал, а мне вдруг позвонил подполковник Василек. (Тут я чуть скривил, это я по пути сюда позвонил вертолетчикам. Сам. Срочно... Завидев ту, недвижимую чеченскую колонну.)

– Чего он звонил?

– Вдруг взял и позвонил.

Полевой командир стиснул скулы, услышав ненавистное имя. Василек бомбил их сегодня ранним-ранним утром. И не только сегодня.

– ...И Василек мне твердо сказал: если этих солдат пополнения чичи порежут, то через три минуты (не через десять, а через три – так передай!) вертушки уже будут висеть в воздухе. И долбать колонну в пыль.

– Ха!.. Мы уже будем в зеленке.

– Вы – будете... А те, что застряли в пути?... Те, что без бензина?

И я повторил. Уточнил, как уточняют при честном торге:

– Я, командир, не предлагаю тебе менять колонну – на бензин. Я и не думал о такой ерунде...

Я предлагаю менять колонну – на колонну.

Это означало, не тронь наших – не тронем ваших. Колонна с чеченскими стариками уцелеет, если уцелеет колонна с пьяными солдатами.

Означало, что чичи пропустят и пьяных пацанов, и даже мой бензин – за просто так, останутся при этом без денег. Именно!

Полевой в озадаченности повел головой вокруг.

Огляделся:

– Бля-а, – сказал он совсем уж по-русски.

Так бывает в торге, когда торгующийся промахнулся. Только что! Так хорошо игравший игру!..

И вдруг не видит дальше ни одного сильного хода...

Растерянность скрывают за мелкими движениями. Полевой крутил головой... Раз-другой оглянулся... На грузовики с федеральными солдатами.

На свой товар! На свой замечательный сегодняшний улов!

А там нечто. Из глухо шумящего кузова грузовика как раз выставилась солдатская задница. Голая. Натуральная... Ну, кретин!.. Солдат стоял там полусогнутый – выставившись задом к нам – и содрогался от смеха. Ему нравилось. Ему казалось, это потрясающе смешно!

Здоровяк Жора, наводивший в кузове порядок, не сразу понял. Картинка открытой стороной была к нам, а не к нему. Но Жора уже пробирался... Прямо по валявшимся и копошавшимся солдатам. Пробирался, чтобы дать голожопому в ухо. Как следует... Он сейчас получит! Он сейчас закувыр-

кается аж до заднего борта!.. Жопа меж тем сияла.

Чеченцы из злого нетерпения могли вдруг и выстрелить в белые ягодицы... Руслан им что-то спешно говорил. Сглаживал... Минута была плохой. Хотя и потешной.

Полевой командир, по счастью, повел правильно – сделал вид, что мальчишеские, сраные глупости его не задевают:

– Что еще скажешь, Сашик?

Я нарочито горестно развел руками... Я объяснял:

– Ты же знаешь, командир... У меня бизнес. Я за хорошие деньги могу дать бензин высокого качества. Хоть цистерну... Могу мазут... Солярку... Могу дать небольшую атомную бомбу (но у тебя, командир, нет таких денег, шутка!)... Все могу дать... Но пьяных пацанов порезать не дам.

Слово «бизнес» чеченцы (и горцы вообще) презируют и уважают одновременно. И плюются – и уважительно цокают языком. Полевой кивнул с пониманием:

– Бизнес, конечно... Но мои злые. Порежут... Сам видишь... Они ведь и тебя, Сашик, порежут.

– Из ваших стариков вертушки сделают дым. Много дыма.

Я повторил мягко, как бы даже горестно – объясни им, командир. Объясни своим. Если я сейчас НЕ позвоню – вертушки обязательно и сразу вылетают. Про ракеты скажи... Прицельность на дороге стопроцентная... Пять минут, и старики в раю... Может, ты старикам завидуешь?.. Объясни своим, одно дело в бою геройски подбить русские БТРы, поджечь, атаковать – другое дело резать пьяных мальчишек... И

я показал в сторону кузова грузовика (там уже выставились две задницы).

– А зачем они здесь?

– Их прислали.

Он грозно захрипел:

– А зачем они ехали?

– Они этого не знают. И я, командир, не знаю... И ты не знаешь.

И, подхватив неопределенность натянутой минуты (неопределенность всей нашей войны на дорогах), я позволил Васильку. Одним нажатием приготовленной кнопки... Я весь начеку (трубку могли из рук выбить) – и потому, едва слышав голос, я с опережением сунул, передал трубку полевому командиру.

Василек начал с вопроса. Все правильно. Все, как у горцев.

– Как тебя зовут? – низкий подполковничий голос, настоящий бас Василька, сделал свое начальное дело.

Полевой командир ответил:

– Маурбек.

Василек пробасил:

– Пожалей стариков, Маурбек.

И отключился.

Пауза...

Переждав, я спросил у полевого:

– Ты сказал – ты Маурбек?... Не чеченец?

– Нет.

Факт мелкий, однако он значил в нашем, совсем уже не мелком торге.

Это важно. Их командир – не чеченец... Я не упустил случайного... Ага!.. Если разборка повернется круто, все эти оголодавшие и озленные чеченцы наверняка подумают, что их полевой командир Маурбек пожадничал и не пожалел чеченских стариков. Торгуясь с майором Жилиным... Своих бы стариков он пожалел.

Взаимное умолчание. Ни слова. Я ничего – и Маурбек ничего. (Я его понял... И он меня понял.)

В грузовике тем часом разыгралось полнейшее безобразие. Четыре... Пять... Семь голых жоп вдоль борта! Смотрели в нашу сторону... Это надо было прекратить! Весь борт, весь бок грузовика!.. Они там гоготали... А теперь еще и трубные звуки из глубин их кишечника. Кто-то пьяно орал-командовал: «По чичам огонь!»... Они были на волос от смерти. Кретины!.. Хладнокровный Руслан опять и опять отговаривал тех двоих молодых, что держались рукой за руку-яти.

Я, однако, отдал им должное: оба чича отвернулись. Оба старались не видеть оскорбительно голых задниц... Я тоже отвернулся. Один зад был весь в чирьях. Это слишком.

Но по сути дело сладилось. Торг сошел на нет сам собой. (И резь в моем желудке сошла. Куда-то делась... И как бы даже не за что похвалить майора Жилина.)

Полевой командир отошел переговорить со своими.

Полевой спешил... Нет-нет и поднимал башку в сторону Ханкалы, не появились ли в небе зловещие вертушки... И двое молодых, бранясь и плюясь, тоже ушли. Все еще злые. Уходя, держались за ножи... Я даже подумал о потных рукавках.

– Пацаны, стоп... Погодите, – окликнул я.

– А?

– Мы же сделали мир.

И я пожал руку одному... Затем второму... Горячие!.. Юнцы... Один совсем смазливенький. Похоже, любимчик... Я заметил, как полевой вскользь на него поглядывал. Возможно, трахает его полевой, заскучав в горах без женщин... Нежно трахает. И очень редко.

Но, возможно, просто близкий родственник. Чего наговаривать!

Сам я двинул к грузовику... К торчащим жопам... Боже мой. Что за молокососы!.. Воины!

Через борт я крикнул здоровяку Жоре – узнал, что за часть их ждет... номер... где... и как... И тотчас позвонил туда, чтобы выслали нам навстречу небольшое сопровождение. Чтобы захват не повторился. Чеченцы – разные. Договор с одними для других мало значит... И конечно, я приказом сказал Жоре, чтобы два моих порожних грузовика пригнали обратно. Как только вынут пацанов из опилок. Как

только их поставят на ноги... и отряхнут.

Колонну пропустили!.. Чичи, пуская слюну, посматривали вслед уходящим грузовикам и БТрам.

Они даже не успели толком пожалеть о добыче... А чичи, контролировавшие дорогу, буквально разинули рты. Онемели. Не ожидали увидеть таких врагов... Две-три задницы в кузове, проплыв мимо и поддразнивая, еще нет-нет и мелькали. Жопы еще долго виднелись. С расстояния.

Остались только бензовоз и грузовики с бочками. Наше, складское!.. Руслан продолжит их сопровождение.

Полевой командир, ничего не забыв, скомандовал своим невымытым бойцам попрятаться в зеленку. На всяк случай. Доверяй, но проверяй... Фантомы вертолетов, ведомых Васильком, так и висели в воздухе. Их не было – и они были. Крылатые призраки... Над пока что небомбленной дорогой.

Да и в ушах, как бы предваряя рев Ми-28, незабываемый бас Василька.

Его утробный бас, я знаю по себе, еще долго звучит в ушах. Василек специально басил по телефону. Это впечатляло. Видеть его чеченцы не видели, а голос знали. Да и большинство наших, кто водил колонны и подстраховывался с неба, знали только его бас. Василек играл голосом... Природа ему благоволила. Крупный мужик (для вертолетчика). Веселый. Рисковый... Настоящий игрок!

Все его лето – обязательный запойный преферанс. Говорили, что в отпуске, в каком-нибудь паршивом санатории,

Василек сходил с первой попавшейся женщиной и делал ее на этот месяц женой, которая хлопочет... Днем и ночью, чтобы ему угодить. А сам играл. Безоглядно. Днем и ночью...

Выигрывал он помалу. При этом ликовал!.. Ас, классный летчик-атакер, подполковник в неполных тридцать и с хорошей зарплатой, Василек бывал совершенно счастлив, выиграв в картишки пару сотенных! Вернувшись с карточного боя, потрясал потертыми рублями. Гордился! Совал среди ночи своей женщине под самый нос! Посмотри, как пахнет победа!.. Бедняга только кивала сонно: да, да, пахнет... да, да, победой!..

Женщина не понимала, что случилось и как так произошло с ее отпуском. Приехала на юг отдохнуть, пощеголять в новых легких платьях, а оказалось, опять жена. Приехала повеселиться, а оказалось, топчется возле плиты... да еще и не плиты, а электроплитки! Топчется, беспокоится, не находит себе места и еще вскакивает, как чумовая, с постели, чтобы разогреть пришедшему в три часа ночи Васильку блинчики с мясом.

Чичи разбрелись по зеленке. Но сначала они приволокли убитого. Того, кого мой солдат застрелил на въезде. Труп не скроешь... хорошо, что мы его не зарыли!.. Остывая от тяжелого торга, я как раз неспешно вернулся к джипу.

Солдат, мой храбрец, так и сидел в машине за рулем все это время. Подходя, я с десяти шагов видел, как побагрове-

ла его шея. (Несли убитого... Прямо к джипу. Прямо, казалось, к нему.) Совсем нетрудно представить, как разъяренные чичи рвутся в машину: «Выходи, сволочь! Все равно достанем!..» – и тычут, тычут дулами автоматов в лобовое, прямо в глаза, мол, открывай... вылазь... пристрелим через стекло, если не выйдешь!

Но с мертвяком упростилось. Оказалось, боевикам убитый был хорошо известен как человек невменяемый. Большой на голову... Чичи вообще не хотели его брать в отряд. Он только мешал. Еще вчера его едва сами они не застрелили, когда он, сидя в кустах, никого не окликнув, вдруг защелкал затвором... Месяц назад его силой оставили в родном селе. Его даже заперли.

Но бедняга страшно возбудился, как же так! Половина села шла воевать! Убивать русских! А как же он?!. Его заперли, однако он выбрался. Через дыру, рядом с трубой. И, держась в отдалении, тихо-тихо следовал по тропе за своими сельчанами – по тропе войны. Вчера только он здесь появился. Вчера его увидели... Как мало повоевал!

Перенеся мертвого к джипу, чичи вновь испарились. Прятались в зеленку. Тут ожил мой солдат. Страх сковал и держал его внутри машины. Только тут он вылез из джипа. Полчаса он мочился. Не меньше... Все это долгое, бесконечное время торга он ждал... ждал.

Я хотел, чтобы солдат расслабился. Все позади. Все утряслось... проехали!.. Достаточно громко, чтобы солдат слы-

шал, я сказал Маурбеку:

– Вашего я застрелил, – я развел руками с понятным сожалением. – Этот полоумный выскочил с автоматом перед машиной... Целил мне прямо в лобешник.

Полевой кивнул – они, мол, так и подумали. И они меня не судят. Бедняга был обречен. С самого первого дня... Как только убежал из села... Как только вылез через трубу.

Однако мертвый был перенесен к моему джипу и положен у самой дороги все же не случайно, не просто так... Полевой Маурбек подсказал мне, чтобы я все-таки оплатил нелепую смерть. Чтобы в уплату помог старикам с бензином... Той застрывшей колонне. Каждому мотору по полбака, допустим...

– Надо, надо за убитого, Сашик. Что я скажу своим?!

Он отлично знал, что сказать своим. Но и я чувствовал его правду. Я согласился сразу. По двадцать литров – даже если там десять машин... Это двести... Двести литров – ровно одна бочка. Что за убыток!

Я крикнул Руслану – отдать застрывшим на дороге чеченцам одну бочку. В подарок. Он тотчас понял. Он дал отмашку... Бензовоз и наши грузовые с бочками тронулись в свой путь, в в/ч за номером... неблизко!.. Проходя мимо застоявшейся чеченской колонны, они, не останавливаясь, сбросят старикам эту оплатившую смерть бочку. Едва сбавив скорость... Прямо на ходу сбросят. В высокую траву.

Мой джип-козелок в одиночестве на опустевшей дороге. Ни души. Если не замечать, что рядом лежит этот мертвяк. Мертвяк поедет с нами. (Отдадим чеченцам в ближайшем селе, они похоронят. Как и положено у них, в тот же день. Сегодня.)

Рулил мой натерпевшийся солдат. Полевой командир Маурбек сел с ним рядом – впереди. Напоказ. Чтобы чеченцы, что в колонне, его командирское лицо сразу увидели. Чтобы узнали... А то ведь могут обстрелять. Когда ближе подъедем... Запросто! Старики стариками, а автомат с боекомплектом у кого-то в колонне всегда найдется.

Но прежде мы поставили точку прямо здесь. На дороге. Разборка позади... На уже опустевшей дороге мы с Маурбеком пожали друг другу руки – финиш.

Он все-таки слегка хмыкнул. С иронией... Все-таки недоволен. (Все-таки без денег.)

– Ну что, Сашик... В другой раз захвати калькулятор. Ты так и не посчитал до конца... Сколько стоит твой российский солдат?

– А сколько стоит твой чеченский старик?

Он спохватился:

– Ты прав. Ты прав, Сашик... Я вот что думаю, какая гнусная штука эта война.

Ему хотелось, чтобы я ответил – да, Маурбек, какая это гнусная штука.

Он еще и вздохнул.

Ему хотелось, чтобы сейчас, в конце разборки, все выглядело, как в кинухе про войну. Чтобы мы с ним, двое, были сейчас как крутые бойцы. Как крутые честные бойцы, которые оказались врагами. Которые хочешь не хочешь живут здесь эту проклятую нынешнюю жизнь.

Однако мне подумалось, что, получи Маурбек с меня деньги, он не так уж горько сожалел бы об устройстве нынешней жизни.

– Гнусная штука эта война, Сашик.

Но я только усмехнулся:

– Неужели?

Мы приближались к застывшей (и сильно скучавшей на открытом месте) чеченской колонне. Конечно, кроме стариков, там были женщины с узлами. Куча детей... Зачем они всюду их возят?.. И конечно, одна из машин была набита автоматчиками. Сопровождение.

Маурбек сидел впереди, рядом с рулящим моим солдатом. Я сзади – с мертвым. Мертвый уже застыл. Не сгибался... Он диагонально лежал на заднем сиденье, полусвесив жесткие ноги. Его голова расположилась на куске брезента. А этот кусок брезента расположился у меня на коленях. Иначе нам с ним не уместиться.

Иначе не получалось. И потому получалось, что я ему как мать родная и что он напоследок головой на моих коленях... Но хорошо хоть «сын» не пачкал меня. И вообще... Оказался опрятен в смерти. Две пули прямо под сердце, крови

мало.

Лет сорок. Умер, а черты лица не разгладились... Усатый, хмурый. Мать учила когда-то этого угрюмца ходить, держать ложку. Улыбаться... Одевала мальчика, чтоб не простыл. Лет в тринадцать-четырнадцать стало, конечно, заметно, что он ненормален. Ах, ах! – сочувствовали матери. Ах, она бедняга!.. Сожалели, а может быть, над ним потешались... А может быть, как раз отгоняли от него насмешников. Но уже не удивлялись его странностям. И сегодня не удивились.

Ничуть ведь не удивились, когда он попал под русскую пулю. Пока шиз живет, у многих возникают эти тоскливые вопросы... Зачем он живет вообще – зачем мать учила его ходить? Зачем одевала в холод?.. Еще и читать шиза научили, зачем?..

Зато смерть шиза никого не удивляет. Гибель его всем кажется закономерной. Для такого, мол, конец вполне нормальный... Не спросят, сколько ему лет... Смерть видится некоей молчаливой правдой. Восстановлением справедливости в природе... Даже не ахнут. Мол, так получилось. Обвал горы или русская пуля... или просто шиз попал под машину... никто не спросит – никаких «зачем?».

В/ч за номером 135620. Горючка все-таки добралась... \$2000... Бензин – кровь войны... На складе я распределяю бензин по заказам воинских частей.

Но плюс – я еще и обеспечиваю доставку. Это моя личная

инициатива... Война стала исключительно горной, и потому в нынешней войне доставка – это все. И потому каждая десятая бочка – мой навар.

В этот раз моя доля (в денежном эквиваленте) стала чуть более двух тысяч долларов. С учетом предыдущей колонны. Так и внесу в записную книжицу. Завтра... Когда посчита- емся.

Свою долю получит Руслан. Свою долю получит штабной майор Гусарцев. Нас трое. Как говорит Коля Гусарцев, наше трио сыгралось легко... Их деньги я, конечно, не записываю, не запоминаю... Я не слежу за чужими деньгами. Трио сыг- ралось.

Рядовой Сергучов, ямник... \$1000... Я помогал выкупить его из зиндана. Деньги пришли не сразу. Я помогал лишь косвенно... Я только звонил.

Звонки мои (выясняющие или отслеживающие) шли по моим же бензиновым путям и связям. Или по моим бензи- новым должникам. (Это всегда надежные люди!)

Труда было немного. Но заинтересованные лица сочли, что мои телефонные контакты сработали отлично. И оцени- ли. Деньги прислал Камский комитет солдатских матерей. Надо же, Камский!..

Кама – большая и нечасто называемая русская река.

На обратном пути, уже близко к Ханкале, нам попался бродячий. Он высунулся из зарослей и призывно махал ру-

кой, чего-то от нас захотев... Верхушки кустов качались... Мой руливший солдат притормозил.

Но бродячий тут же спрятался. Робкий!.. Вероятно, по лицу моему, по взрослости моей прочитал, что в машине офицер... Был еще не слишком поздний вечер. Не темный.

– Эй! – окликнул я негрозно.

Я как раз подумывал о бродячих. Я уже взял к себе на склад двоих... Может, еще одного?

– Эй! – мы стояли с работающим двигателем. Готовые рвануть и уехать. На подъезде к Ханкале стоять иногда опасно.

Бродячий солдат высунулся по пояс. Однако очередное «Эй!» его опять испугало.

Спрятался...

Но теперь стало слышно, что он движется. Где-то он опять кустами... Глазу незаметно. Но все-таки он пробирался в нашу сторону. К нам. Он высунулся еще. Уже ближе. Уже крупнее.

Кашлянул... Уже настолько был ближе, что в него могли бы стрелять. Если бы хотели.

Мой солдат присвистнул и крикнул:

– Хорош трусить!.. Дуй сюда!

Бродячий солдат выступил из кустов. В полный рост.

Сейчас подойдет...

Из ущелий, где боевики пожгли их колонны, потерявшиеся после разгромного боя солдаты первым делом пробираются сюда... К Ханкале поближе. Горная война, она без линии

фронта – так что бродячий идет через всю Чечню. В одиночку... Иногда их двое, трое. Шатающиеся от голода. Шарахающиеся от страха... Днем они спят в перелесках, на теневых обочинах, а ночью крадутся – идут.

Попасть к чеченцам в яму они не хотят. Пахать рабом у горца-крестьянина никому не вариант. Ничего нет хуже ямы... Но быть пойманным нашим патрулем и попасть под расследование в комендатуру, а для начала и в военную тюрьму, солдату тоже не сахар.

Бродячий подошел к машине, как-то странно клоня набок тело и сверля меня боязливymi глазами. Весь дрожал. Со всем юнец... Автомата не было...

– Где оружие?

Он стал бормотать про какой-то съехавший среди боя откос земли. Землей солдата засыпало. После третьей, рядом разорвавшейся мины... И сапоги у него были полны непонятной воды... И он полз, полз... А потом понял, что автомата нет.

Нынешний солдат, в одиночку уцелевший после боя в ущелье, уже загодя чувствует себя виноватым.

Его уже допрашивали на блокпостах, но не всерьез, от нечего делать... На втором блокпосту целый час... Офицер велел ему стоять прямо. Не опускай плечо. Правое плечо, мать твою! Почему опять опустил?! Ты что, кособокий?.. А дальше весь допрос солдат тупо сидел. Прямо на траве... Офицер стоял над ним и орал. Долго... Потом потерял к

нему вдруг интерес и уехал... Офицер на прощанье дал ему в ухо... Так и сказал, *за тупость*.

Вернуться в родную в/ч, к своим пацанам и к своему офицеру, – для бродячих известное спасение. Там и накажут, там и простят... Родная часть – их мечта. Вот только где теперь эта их часть? Куда ее перевели после того побоища в ущелье?

Постепенно, друг от друга, бродячие узнают, как быть, какова практика их возвращения. Отработана временем... Во-первых, надо тихо пробраться в Ханкалу... Во-вторых, уже в Ханкале еще более по-тихому поработать у какого-нибудь знающего войну чина. В каком-нибудь его хозблоке. А уж чин после (если ты хорошо поработаешь... придется пахать!) подскажет тебе, с какой пойти колонной, сопровождаемой БТРами... Или с какой мотострелковой частью. Так или иначе доберешься до своих пацанов.

Мы договорились. Я так и сказал ему:

– Месяц поработаешь – верну к своим.

Он по-мальчишески смотрел мне глаза в глаза, ища обман.

Я как раз подумывал о бродячих, пусть бы еще пару солдат... пусть даже один... Чтобы, хотя бы временно, помочь моим солдатам катать бочки с горючкой. От ежедневной натуги (а то и еженощной) у солдат-грузчиков уже через три месяца лицо становится темно-свекольное. От приливов крови... Мой Крамаренко так и зовет их – красномордики. Ласково, но безжалостно. Крамаренко подтрунивает... счаст-

ливчики! Здесь, на складах, их не поднимают в атаку. В них все-таки не стреляют.

Мы проезжали мой строящийся Внешний склад. Бродячий солдат для начала переночует здесь. Чтобы не искать ему среди ночи особое место.

Я вышел из машины и веду его.

– Сюда... Теперь сюда.

Внешний склад строится еле-еле. Без ограды даже... Ночью тихо, поутру здесь работают два-три чеченца.

Здесь есть бытовка... Отдельная каморка, как раз чтобы поспать. Солдат, теперь это заметно, кособок. Что-то с бедром... Особенно на ступеньках его перекашивает... Я показываю ему место ночлега. Топчан.

– Завтра устрою тебя капитально, говорю я.

А он чего-то ждет.

– И завтра же переговорим обо всем.

Бродячий кивает. Но глаза испуганные... Я говорю чеченцу-охраннику, чтобы дал ему лепешку и сыра. Охранник мгновенно находит и уже протягивает солдату съестное... Какая реакция! Чеченцы стремительный народ.

Я не хочу отставать и тоже оставляю солдату пару своих невостребованных сегодня бутербродов. (День такой, что не до еды. Мне бы сегодня как следует выпить. Но сил нет даже на выпивку.)

Ухожу спать... Спокойной ночи, солдат.

Но солдат, судя по дальнейшему, не уснул. Не всякому ночь спокойна!.. Не знаю, ложился ли он вообще. Бродячий оказался слишком напуганным. Его слишком долго виновата-
тили. Его слишком допрашивал тот офицер. На блокпосту... Перестарался!.. Приятно же поорать. Приятно же требовать, нагонять страх, вправлять мозги кособокому солдату, потер-
явшему где-то оружие... Кругом виноват... А теперь вот сидит на траве и ни фига не соображает. Тупой!

В бытовке, где я оставил солдата ночевать, дверь не вы-
ровнена и туга. Тоже кособока... Солдат, видно, подергал ее
раз-другой и решил, что его заперли.

Нет чтобы рвануть дверь посильнее. Вместо этого солдат
испугался еще больше... Он не хотел больше расспросов. Он
решил, что я заманил его, чтобы сдать в комендатуру. Для
этого и зазвал его в джип. Для этого и накормил... Среди
ночи, напугавшийся, солдат выставил раму окна и сбежал.
Он уже никому не верил.

Глава третья

– Это я.

– Да. Да... Я поняла... У тебя все в порядке.

– В полном порядке.

Моя жена перевела дух.

– Слава богу.

Она уже хорошо знала... запомнила... выучила... что я иногда звоню просто так. Жене можно и ночью звонить просто так.

Я помолчал. Так вышло. Похоже, с молчанием я затянул. А потом сразу и простился. На всякий случай простился вперед, впрок. Вдруг, мол, разговор прервется... Она к такому опасливому прощанию загодя тоже уже привыкла.

– Все в порядке, Саша... Спи спокойно.

Там у них, у жены и дочери, – в географическом от меня далеке – на берегу большой (но не называемой) русской реки уже огорожен (куплен) средних возможностей участок. Не велик и не мал... Участок со строящимся уже домом. Не лучше и не хуже соседних.

Сейчас, как и здесь, там ночь. Но, может, у них луна. Каждый раз, звоня, я пытаюсь мысленно увидеть, разглядеть ту далекую пядь земли.

– Смотрю на луну...

– И что?

– Круглая!

– У нас она сейчас высоко... Угол дома мешает... Зато лунная дорожка с реки.

– Вот смотри сейчас на эту дорожку. До ее конца... Там в конце есть фокус.

– Саша!.. Ну, скажи что-нибудь серьезное... У нас вчера уже второй этаж. Стены пошли.

Я сглотнул ком. Душа взволновалась. И сердце подстукивало. (Я как строитель не вовсе умер.) Складской менталитет не все во мне задавил.

– Вовсю строишься?

– Угу.

Это она как бы небрежно. Как бы ни о чем... Пустяки... Чтобы не о деньгах. Она не слишком доверяет телефону.

– А есть на что строить? – я засмеялся.

– Есть.

Значит, посланные мной деньги она получила.

– Ишь ты! – хмыкнул я довольно.

По моей подсказке (телефонной) жене удалось прикупить с левой стороны участка небольшой спуск к реке. Внешне – не ах. Но инженерно – это грамотно. С перспективой... Дом с флигелем. А на правой стороне участка будет хозблок. Потому что там выезд на будущую основную дорогу этого поселка, прижавшегося к реке... выпало, как удача!.. Когда обговаривали с женой план, про дорогу мы еще не знали. Это настоящая удача!

Я объясняю – подвоз стройматериалов будет тем самым для нас проще. Сразу же с дороги!.. В хозблоке в будущем (деньги и время!) можно разместить генератор. Для автономного света и тепла. Молодец и умница. Единственная ее ошибка – купила для хозблока кирпич подешевле. Напротив, хозблоку необходим самый капитальный кирпич.

В переборе подробностей меня захватила мысль – странная мгновенная строительная мыслишка – хотя бы на чуть подняться в нашем будущем доме над вторым этажом.

– Вверх бы, – сказал я. – Еще бы малость вверх. Повыше.

– Но, Саша, – она, конечно, удивилась. – Саша... Есть же план, два этажа, ты сам его одобрил.

– Алло... Алло... Пропал голос... Не слышу. На минуту я ничего не слышал. Даже шорохов.

Зато белой вспышкой во встревоженном сознании – увидел домашний наш стол... увидел наше круглое зеркало... и ее лицо.

– Как тебе сказать... Хотелось бы повыше. Чуть бы еще добавить высоты.

Связь восстановилась.

– Саша. Но уже есть план... Ты же знаешь!

– План чуть переделать.

– Но это значит – третий этаж.

– Ничего не третий. Пусть что-то совсем узкое, не слишком объемное возвышается над вторым – вот и все.

– Как это возвышается?

– Ну, торчит. Ну, как член.

– Саша!

– Извини, извини, дорогая... Я тут привык запросто. С солдатами.

Она сказала сухо:

– Сейчас ты не с солдатами.

– Извини.

Пленный сержант Рыжов. Дорого обошелся... Люди про-раба Руслана, взяв след, стерегли пленного сразу на трех дорогах. Все сделали правильно. В боестолкновение не входили, а только давали «хозяевам» знать, что о сержанте про-нюхали – как-никак засветили пленника. Пасли его мягко. С выдержкой... И вот те, кто держал сержанта в зиндане, за-нервничали. Они стали передавать пленного из села в село, из ямы в яму... И в конце концов продали его нашему чело-веку. Без торга.

К сожалению, когда возвращались, одного из людей Рус-лана застрелили в нелепом ночном столкновении. У кост-ра!... За едой!

Я предложил все вырученные деньги отдать Руслану. Его потеря... За сержанта мы хорошо заработали. Гусарцев со-гласился. Но не согласился Руслан. Он словно боялся брать больше. Он даже не поднял глаз. Как всегда, его твердое и холодноватое – нет. Все на равных.

Мы сидели тогда, все трое, в джипе. Коля Гусарцев ку-

рил... Раз, другой, третий выдохнув в окно дым, он спросил – очень ли близкий человек был Руслану погибший?

Руслан и тут не захотел давить на нас – на дележ и на наши деньги. Он просто ответил:

– Близкий.

В/ч за №... Солярка... Эта воинская часть расположена не доходя до гор. Поэтому ее сопровождал Гусарцев.

Если нет штабного офицера, который досматривает путь, глотая пыль рядом с колонной, горючка не дойдет до назначенной в/ч. Ее завернут... На первом же повороте дороги. Наши в этом отношении столь же опасны, как чеченцы. Любой подполковник перехватит у тебя и бензовоз, и бочки – и в свою часть. Да еще заставит твоих шоферов разгружать. Знаем!

В/ч за №... Бензин... Эти зарылись подальше. Добраться непросто. До гор назначенный им бензин в бочках сопровождал Гусарцев, в горах – Руслан. Отправили спешно. И в каких помятых бочках, в треугольных! На войне все можно.

В/ч за №... Дизельное топливо... Мазут... Ура. Ура. Полковник Анин поумнел. Да как быстро!.. А ведь командует частью всего три месяца.

Всего три месяца назад он, этот Анин, страшно возмущался, когда прослышал, что должен за доставку и за вообще отдать мне каждую десятую бочку. Он не мог понять, кто я. Он вопил в открытую! Как так!.. Кто такой этот майор Жилин! Я эту сволочь выведу на свет... Я в штаб!.. Я к генералам!..

Но вот ведь посмирнел товарищ полковник и поутих. Понял.

Ему объясняли... Кажется, Коля Гусарцев. Прямым текстом. Самым прямым. Армия сейчас полу-управляема. Никкак не обретет форму... Дисциплины нет. А когда нет дисциплины, пусть снабжением горючкой управляет хотя бы рынок... Иначе хаос... Полковнику Анину объясняли, втолковывали правду этой войны, а он опять и опять – как же так? Как же так с бензином, с солярккой! Как я буду воевать в таких условиях!.. Я их всех!.. Я эту сволочь!

У него перехватывали по дороге все, что он заказывал. Либо наши, либо чичи... Какая разница... Три месяца!.. И вот бедолага прислал мне письмишко: «Дорогой Александр Сергеич!..» – ну и так далее. Очень приятный текст. Симпатичный стал человек... Солярку получит... Чеченцы обращаются ко мне еще более трогательно: «Са-ашик...» – звучит неплохо. В этом что-то задушевное.

Мы сидим втроем в машине Гусарцева, и, когда с делами покончено, Руслан прощается и пересаживается в свой «жигуленок». Внешне – мы, все трое, просто друзья.

Я и Коля Гусарцев, мы смотрим, как Руслан идет к машине легкой, летящей походкой молодого кавказца. Мы никогда не ссоримся из-за дележа денег. Я плачу щедро... Иногда просто поровну. Иногда по вкладу – учитывая личное участие. Наше трио сыгралось. Так сказал Гусарцев. «Трио» – это его словечко. Бензин... Солярка... Ничего особенного. Мой бизнес скромненький.

Ханкала – знаменитый пригород Грозного, здесь у нас и впрямь теплее. Может быть, от количества моторов. Здесь основная группа федеральных войск. А также склады, склады... Так что на весь день покидать теплую обжитую Ханкалу и ехать к штабистам – это не всегда в радость. Но надо.

– Давай моей машиной. Чего тебе сейчас возвращаться... Тебе ж удобнее! – предложил Коля.

Мы едем.

Дорога в Грозный знакома до мелочей, я бы на своем джипе рулил с завязанными глазами... Но Коля рулит еще легче – играючи!

Ведя машину, Коля звонит генералу Базанову, своему непосредственному начальнику.

– Еду, еду, товарищ генерал... Да, да, уже скучаю... Послушать вас очень хочется.

При этих дружески-льстивых словах на том конце телефонной связи раздается радостное стариковское кудахтанье, восторг... Даже мне слышно, как булькает, как живо вскипает в трубке голос *генерала-нишито*. Веселья сколько... Дите!

День еще не нагрелся. На дороге много машин.

Коля Гусарцев исподволь, я и не заметил, как попал под гипноз хорошо знакомой дороги, заводит сторонний и неопределенный разговор – о продаже оружия. Болтает!

– Саша... Сейчас кое-кто очень ловко продает чеченцам АК. Речь о наших, федеральных, чеченцах – им лень ждать, пока автоматы придут по распределению... И они готовы ку-

пить, если вне очереди... Из рук в руки... Чем не бизнес...

– Да они тут же перепродают боевикам.

– Саша!.. Какое наше дело!

Я все еще думал, что просто некая его болтовня.

Я все не мог оторвать глаз от дороги.

А Коля Гусарцев воспарил высоко... Да, да, наш бизнес – это наша горючка... Разумеется! Бензинмасла-солярка-боевой летный керосин. Но всякий бизнес норовит расширяться... Разве нет, Саша?..

Это как в бою, Саша. Это как фланговая атака...

Фланг, он в любом деле живой... Фланг сам тебя подталкивает. Фланг хочет сам попробовать... Фланг рискует...

Коля как заикнулся. В дороге это бывает – вдруг случается нечаянный восторг. Повод неважен... Молодой штабист забивал меня словами.

Фланг... Фланг... Фланг...

– ...Опасности, Саша, мы с тобой не боимся.

И тебе, и мне иной раз даже хочется постоять на краю... Разве нет, Саша? На самом краю... Война – дело заводное.

Я, помню, только засмеялся. Какой напор! Мне Коля Гусарцев показался смешным... Молодой и зеленый!.. Слабое место всех мужчин – постоять на краю.

Коля замолк. Возможно, чуть обиженно. А я только поглядывал на облака, на лес... Это место особенное. Этот поворот, казалось бы, хорошо знакомой дороги я каждый раз оглядываю с непонятным счастьем.

Речка!

У моста пришлось пропустить запоздавший кусок ханкалинской колонны. Огрызок... Два БТРа, и меж ними большой грузовик. Отставшие...

Сунжа небольшая речка. Типичная кавказская речка. Без умиления... Мост освободился, а за мостом – уже Грозный. Кусты... Кусты малорослые...

А дорога на некоторое время невнятная. Но все открыто и видно.

– Пригни башку, – сказал Гусарцев.

Я пригнул. Боевиков в Грозном хватает. Но поутру они отдыхают... Их времечко – вечер и ночь. Однако на окраине могут обстрелять. И даже снайпер, наскучав, может здесь поработать.

А все потому (такие мысли), что пейзаж теперь угнетал. Обкромсанные с боков дома давили... Нежилое все. Целый квартал домов с мертвыми глазницами. Пустота окон чувствуется на расстоянии... Но уж лучше пустота, чем проблиск чужого прицела.

Штаб для престижа пробовал обосноваться не в Ханкале, а в Грозном. Пусть даже на время... Для ощущения близкой победы... А по обстановке чуть что – назад, назад!.. Дать деру и вернуться в надежную Ханкалу. Все уже знали эту канитель. Некоторые штабисты даже почувствовали вкус к путешествиям. Мчатся туда – мчатся обратно. (Связисты, вот

кто негодуют, — негодуют, но на них плюют.)

Мы в Грозном... И вот она, знакомая толкотня знакомых машин.

У невояки Базанова, большого, рыхлого генерала, прозванного в штабных коридорах генерал-ништо, кабинет был замечательный. Туда мы после совещания и заглянули — Гусарцев с еженедельным докладом, а я как бы с Колей заодно. Обзавестись таким шефом, как Базанов, — несомненное счастье что в миру, что на войне, и Коля Гусарцев это счастье имел. Настоящий везунчик, Коля нет-нет и меня водил на глазок к Базанову. Чтоб тот меня помнил... Пригодится!

В штабе Базанов отвечал за связи с местным населением. За контакты. За укрепление дружбы многочисленных кавказских народов. Должность, которой никто не понимал. Над ним и над его должностью подшучивали бегающие здесь по коридорам офицерики. Почему?.. А потому... Считалось, что генерал *нелеп*. Нелепо женился. Нелепо затеял строить дачу аж под Ростовом... Куда ему не удавалось (и никогда не удастся без скандала) послать, чтобы поработали, хотя бы пару солдат.

И никого у него в подчинении. Ну, кроме, конечно, лихого Гусарцева, который тоже над шефом посмеивался. Слегка, конечно... Был, правда, еще прапор Геша, который носил генералу чай.

Зато к генералу никто и никогда не приходил на прием. И в штабном его кабинете сама свобода. Мы тотчас там с удоб-

ством расселись. Что за кресла! Чудо!.. Если любишь ленивую позу, можно откинуться до предела, а ноги вытянуть и вовсе в запределье, в самую вечность... Мои глаза упирались в стену, где четыре книжные полки. Четыре!

Генерал заметно оживился. Во рту у него запершило. Кхе-кхе... кхе-кхе... «Саша...» – генерал отвесил мне легкий стариковский поклон. Но не знал, что сказать.

Откашлявшись, густым баском он с ходу попросил у меня рабочих для стройки дачи. А когда я сказал, что свободных рабочих нет, он здорово огорчился.

– Но надо же мне когда-то ее достроить... Что за генерал без дачи!

И опять он не к Гусарцеву, а ко мне. Это странно, он никогда не был настырным.

– Но у тебя, майор, есть стройка. Ты же, я слышал, еще и строитель.

Я объяснил ему – склад строится наружный. Внешний. За воротами основных складов... Неохраняемый.

– Но кто-то там работает.

– Там чеченцы. Хотите?

– Нет, конечно.

Гусарцев вмешался наконец мне в помощь:

– Работяги-чеченцы, товарищ генерал, не доедут до Ростова. Краснодарцы задержат их на полдороге. И будут держать... До выяснения.

– А это правда, что на стройке склада у тебя два прораба –

и тоже чеченцы? – Спросив, Базанов с важностью приподнял голову. У генералов есть эта черточка: всякой безликой фразе придавать значительность.

– Правда.

– И оба – Русланы?

– Оба.

Гусарцев подсказал:

– Саша, а новенькие... Эти двое?

– Эти двое контуженные.

И тотчас генерал опасливо захлопал крыльями:

– Нет-нет. Контузиков не надо... Неадекватны. Сбегут. И еще кого-нибудь изнасилуют по дороге.

Мы расслабились. Гусарцев даже нога на ногу. Свой здесь человек. Я свой не вполне, но зато я помнил про чай и про прапора Гешу. Готов ждать... В штабных кабинетах всегда хочется чаю.

А генерал заныл:

– Ребятки... Ну, просьба. Прошу вас... Надо рабочих. Позарез... Жена! Жена!.. Вы же знаете, что такое жена!

– Вот он женат. Он знает, – сказал Коля, смеясь в мою сторону.

– Са-ааша, – протянул генерал. – Жен же не выбирают.

Вот, оказывается, в чем дело. К генералу нагрязнула его молодуха жена. Говорят, красивая... И уже наверняка им по-нукает.

– Да, да. Навестила, – сказал генерал как-то странно, с

неумышленной двойной интонацией.

Радостно-скорбно.

Вступил с некоторой важностью Коля Гусарцев. В паузу... Под видом очередного «контакта с местным населением» Коля живописал вчерашнее мелкое событие близ Ведено. Недолго Коля думал! Событице было пустяковейшее: солдаты, охранявшие дорогу на Ведено, перехватили у местных чеченцев хлебовозку. Забрали... Съели... Рота отоварилась полусотней буханок свежего хлеба – еще и лепешки! Сожрали всё!

Солдатики были так голодны, что за хлеб, похоже, были готовы и пострелять. Да вот беда: чеченцы этого села оказались из невоинственных... А невоинственные, они же сразу пишут. Руки есть, писать умеют. Прямиком приехали с жалобой в Грозный – и жалобу там приняли! Пришлось хлебушек оплатить!.. И оплатили!.. Это хороший знак, товарищ генерал. Представляете: воинская часть оплачивает чеченцам хлеб!

Из бытового столкновения, из чепухи Гусарцев прямо на глазах слепил открытие новых отношений, а значит, и открытие новой фазы войны: обмен!.. Этот обмен хлеба на деньги означал зарождение рынка и прямых контактов с местным населением!.. Обмен вместо обстрела из кустов. Обмен вместо отрезания голов... Конечно, не всё сразу... Но шаг сделан!.. Почин!

– Коля, ты молодчина! – Генерал Базанов был своим по-

мошником доволен. Ах, как доволен!

И по контрасту недоволен мной:

– Майор!.. Даже чеченцы уже идут на контакт... А ты? – журил меня он, не забывший про отказ.

Еще и пальцем пухлым грозил. Брови морщил... Что это с ним сегодня?

Бравый прапор Геша принес наконец в кабинет на подносе красно-белый заварочник и чашки.

– Пока что – чай. Ча-ай! – раскатистым баритоном объявил нам генерал.

И так значительно, так крепко нажал он на «пока что». Словно бы чай только для разбега, и вот-вот следом грядет крутая выпивка. На этом же подносе и с этим же прапором.

Я посматривал на книжные полки. На книги... На их корешки. С мелко выведенными фамилиями авторов. Я знал про генеральское хобби. Слышал от разных... Даже если дизайн. Даже если люди собирают книги под цвет купленных полок, их невольно уважаешь. Пусть... Пусть собирают и дальше.

Жизнь горских народов Кавказа (книжная) тоже была для нашей войны своеобразным дизайном. Книжная жизнь стала настоящей страстью генерала Базанова. Коля рассказывал, что пробудил генерала вышеспущенный приказ прочитать присланную книгу – некую популярную книжонку о Кавказе – как-никак Базанов был призван курировать контакты с местным населением. Он, видно, давненько вообще ничего

не читал. Книжонкой генерал оказался по-настоящему потрясен и затребовал еще. Так началось!.. И ведь у него был мощный служебный телефон. Бесплатный. И генерал звонил... звонил... звонил!.. Пришлите то. Поищите и пришлите это... Если книжка редка, ксерокопируйте. Это нам важно!.. Это огромный непознанный мир. Все, что связано с историей Чечни... Да и других горских народов-соседей. А ведь генералу Базанову (поговаривали) уже бы не мешало подумывать о мире ином. Генерал был в подходящем возрасте.

Те, кому он звонил в Ростов и даже в Москву, молоденькие офицеры и штабные клерки, могли впрямь думать, что генералу Базанову книги и брошюры нужны, чтобы научить наших солдат общению с горцами... чтобы те, суровые, хотя бы с ходу не отпиливали им башку! Чтобы шли на контакт... для смягчения характера войны, так сказать... а там, глядишь, и полного замирения... Искали и даже отыскивали ему редкие тексты. Как же, как же! Генерал велел!.. Приказ есть приказ. И присылали!.. Военной, штабной почтой. Ни одна книжонка не пропала!.. Ни одна ксерокопия не была слепой или трудночитаемой. Полный порядок.

Постаревший вояка весь ушел в историю гор и горцев – погрузился, не вынырнуть! Конечно, ему слали немало чепухи. Чтобы отделаться... Ну, просто так. Уже и слушок прошел о генерале-дуриле. Но война не кончалась. И ему присылали снова и снова. Ему слали и кое-что серьезное. И, едва

сорвав обертку с бандероли, генерал запирался в кабинете и отдавался запойному чтению.

А Коля Гусарцев знай расписывал тот случай с оплаченной полусотней буханок чеченского хлеба.

Такие смягченные рассказы, вернее, рассказы о контактах с местным населением очень нравятся высоким чинам. Чины усваивают только подслащенную мысль... А чиновным старикам, типа Базанова, и вообще мало надо – только бы теплой лапшички ему на уши. Он слушал и млел. Если торговля, значит, замирение... Мир вот-вот!.. Ура!.. Кажется, мир от генерала уже в шаге. Ну, в двух шагах. Которые спешило проделать, пусть даже в обход реалий, его старое и, без сомнений, доброе сердце.

Кража хлеба солдатами представлялась ему чем-то замечательным, неслыханным. Прямо посреди дороги... На скорости!.. Из кузова машины кража... Во время дождя!

Ведь хлеб за деньги, за деньги!.. Генерал непременно доложит об этом самой верхушке штаба.

Ведь, можно считать, чеченцы в итоге сами дали солдатам какую-никакую еду! Гусарцев нес старику совершеннейшую чушь. Он почти не сбивался. А насчет приносимой еды у него получилось даже вдохновенно!.. Мол, горцам и горянкам очень нужно сейчас наше доброе слово! И лишь немножко денег. И вот уже чеченцы сами несут лепешки и овечий сыр. Особенно же старушки-чеченки... С горячими лепеш-

ками! Кушайте, солдатики!

Он рассказывал, как о чуде. Я не встречал. И уж конечно, не пытался Колю поправить. Человек получал удовольствие. Несомненно... И пусть!.. «В батальон Гурова... Сколько харча чеченцы понанесли! Ты же видел?.. Видел?» – дергал Коля Гусарцев меня, когда его рассказы получались уже совсем неправдоподобными. Я оставался спокоен... Да, я был готов подтвердить. Конечно, он врал, но ему сейчас так сладко.

– Кстати. Можно чеченцам за провиант подбросить солярки, – и генерал поощрительно кивнул в мою сторону. (Это я, что ли, подброшу?)

– А как же! – взвился голос Гусарцева. – Обязательно!.. За солярку они заплатят и хлебом, и деньгами. Это как-никак горская честь!.. Заплатят, правда, без кассового аппарата, – и Коля Гусарцев дал голосом понять, что шутка остра и современна.

– В обход налогов! Ха-ха-ха! – смеялся генерал.

Базанов был очень доволен. Вот, мол, она – правда настоящей войны... Это, мол, в столицах подсчитывают и пересчитывают в дурацких бюджетах, что и как, кому да сколько. А война – штука внутренняя! нутряная!

По словам Коли Гусарцева, нашим солдатам особенно удавалось подружиться и сговориться насчет провианта с простыми чеченцами. С горцами из самых глухих аулов... Я слушал невозмутимо. Я только покусывал ус. А Колю несло.

Без руля и ветрил... Там, в диких аулах, живут потрясающие добряки!

Ни читать, ни писать... Но зато широкие натуры!.. А как они интересуются незнакомым оружием!

Они балдеют!.. Дай потрогать!.. А как они находят и узнают в темноте свой ствол?.. На ощупь. А как они нараспев произносят «грааа-нааа-томет». Музыка!.. Гусарцева уже было не остановить. Он рассказывал, как и чем отличается речь в разных селениях. Он изображал, подбирал голосом то один, то другой «аульский» акцент.

– В этих горах, где мы сейчас воюем, ислам однажды уже победил христианство. Да, да, чеченцы, как, впрочем, и ингуши, были прежде христианами... Недолго... Но были, были!.. Есть развалины православных храмов... И каких!.. Пятнадцатый век.

Генерал Базанов видел, осмотрел их самолично. Руины, конечно... Остатки стен.

– Вот этими руками трогал.

Он не дал нам уйти просто так. Этими же руками (пухлые, крупные генеральские руки) он выставил нам коньяк, чтобы мы не заторопились. Чтобы послушали теперь его.

Увы, ветвь христианства, перевалившая Кавказский хребет и пришедшая сюда к чеченцам, была не вполне, как оказалось, крепкой. Здешнее христианство было красиво, нарядно и, скорее, декоративно, чем глубоко. Красота и убран-

ство храма. Красота обрядов... Пение... А вот ислам пришел сюда уже мощный, полнокровный и суровый. С подчеркнутой духовной глубиной. Во всеоружии нравственных законов. Кстати сказать, с запретом кровной мести... Да, да, с запретом... С личной ответственностью за грех. С красотой бытия.

– Встреча или, лучше сказать, борьба двух верований получилась здесь не на равных – и вот почему ислам вытеснил христианство.

Встреча или, лучше сказать, борьба двух вер началась где-то три... четыре сотни лет назад, срок для истории небольшой. Малый!.. Секунда!

Конечно, Коля Гусарцев все это от генерала Базанова (с подробностями или без) уже не однажды слышал. Но я узнал впервые. Было интересно... Я даже взволновался... Я ощущал себя в глубоком, в глубочайшем колодце. Под толщью столетий.

Тогда я и услышал впервые это слово:

– Асан.

До ислама и до христианства, как и у большинства народов, у горцев началось с идолов. Со страшноватых истуканов... Асан был не просто идол, а заглавный идол. Как у славян Перун... Генерал Базанов знал даже, как выглядел идол. В виде большой, громадной двурукой птицы был Асан. Божество!.. Еще какой наводил страх! Сейчас этот бог забыт, но можно предположить, что в бездонной глубине сознания

горцев его имя еще мерцает:

– Асан... Асан... Асан...

Грозное забытое имя еще посылает душе горца (и его подсознанию) свои утробные, свои негромкие и смутные позывные. Ислам, к примеру, запрещает кровную месть... Но ее разрешает, дозволяет Асан, более ранний, более глубоко укорененный.

Генерал, рассказывая, воодушевился. Даже лампас на генеральских брюках подрагивал и подергивался. И ведь генерал не о чем-то древнем и от нас далеком – он о Чечне! В конце концов мы здесь живем. Мы здесь воюем... Но, возможно, укрепляя наш дух против страшного идола, генерал совершил ошибку – он добавил нам с Колей выпивки. Коньяк!.. В мягких креслах!.. Это была чудовищная ошибка!.. Я почти сразу увидел весь Кавказский хребет с прерывистой нитью белых вершин... И горные перевалы... И даже нависшие лавины.

Еще немного выпивки, и на линии гор я легко разглядел Асана, а с ним и гордые малые народности. Много их... Народ к народу сидели плечом к плечу. Несколько скучиваясь на перевалах... На Кавказском хребте народы сидели, как на жердочке, свесив ноги. Беседуя, цокая языком...

Не знаю, как Колю Гусарцева, а меня сморило... Мне слышались тихие барабаны... Греческие фаланги... Греки, это почему-то было важно. Они шли стройными рядами... Но сон был сильнее даже греков. Эк, навалился!.. Я не сводил

взгляда с генеральского рта. Оттуда выпрыгивали слова... слова... а потом стали выпрыгивать треугольники.

Я увидел громадные пирамиды... И рядом двигались какие-то совсем уж древние люди... Полураздетые... И много, много! Полчища... С копьями! Внешне ободранные. Сплошь босые!.. Вот тут и появилась опять птица-божество. Птица успокаивала. Она уверяла меня своим странным клеткотом, что бояться этих божей с копьями нечего... *Нахер* их, говорила птица. Сначала она напевала что-то игривое. И даже подмигивала. А потом обрушила на меня сладчайшую печаль... Засни, храбрый воин... Засни, засни, майор Жилин... Это все про меня... Она пела мне в уши долго, сладко!

Только выйду в Грозном из машины, старик чеченец стоит поблизости и ловит мой взгляд. Старики подходят. Прямо на улице. Просят горячее – Са-шик, *солярки мало-мало*... А у них на носу, скажем, посевная!.. Они всегда просят именно одолжить. Одолжить, хотя отдавать долг нечем. Я иногда помогаю... Дам грузовик на полдня... Скромно дам. Чтoб самому не в тягость. Солярки-мазута плесну... Что за бизнес без мелких связей. Без душевных просьб. Они клянутся, что *когда-нибудь и чем-нибудь* мне отплатят.

– Са-ашик, – говорят они. – Если что надо – только свистни.

Но, конечно, это лишь разговоры. Я могу свистеть долго... Крестьяне по своей природе забывчивы. Как всякие честные

люди. Парадокс, но факт!.. Зачем честному помнить?.. А вот лгун и враль должен помнить свои долги хорошо и цепко.

Пару раз из любопытства я спрашивал стариков об Асане. Они не знали... Кто такой?.. Но, возможно, не хотели делиться со мной. Их лица становились никакими. Они замолкали. Боялись потревожить мрак? Испугались упоминания всеу?.. Или им попросту неловко, что русский знает их седую старину, которую они сами забыли.

Руслан сказал, что будто бы высоко в горах, на редко и трудно проходимых перевалах еще живут столетние чеченские старики. Пока живут, ничего такого не помнят. Но иногда умирающий старик вдруг упоминает Асана. Ни с того ни с сего... Когда жить ему остается полдня.

Я уже поторапливался, чтобы вернуться в Хан-калу пораньше. Дом мой – мои склады... А к вечеру уже хотелось быть *дома*. Но едва я, выглядывая на охраняемой стоянке гусарцевский джип, прошел подальше... весь ряд, за машиной машина... ко мне бросилась женщина, явно меня поджидавшая. Такое бывает... Стояла в тени неказистой пятиэтажки.

– Александр Сергеич! Александр Сергеич! – подбежав (она именно подбежала), женщина стала умолять меня зайти к ней.

Рядом, совсем рядом!.. В эту самую пятиэтажку! Она заглядывала мне в лицо. Хватала меня за рукав. Ее серенькое плохонькое платье парусило на ветру... Мы зашли, втисну-

лись в густо пахнувший жильем подъезд дома. Затем в маленькую комнату. Комнатушку женщина временно снимала.

Я ведь торопился. (Забегаловка в Грозном, где я съел су-хонький пирожок... Я был еще и голоден.) И потому чуть ли не с порога переспросил женщину. Давай, дорогая, но только быстро – что и где твой сын?

Она полезла в свои бумаги... Какие-то имена. Какая-то карта, рисованная от руки. Химическим слюнявленным карандашом... Совала мне в руки. И не замолкала. Жалобы... Какой-то бред... Но я такого наслушался и навидался. «Спокойно, – говорил я ей. – Спокойно...» Это был старый ученический портфель, полный бумаг... Я теперь сам смотрел одно-другое-третье... Наконец на стол высыпались письма сына. С просьбой о деньгах... А затем и его записки. Уже безнадежные. Из ямы... Записки-вопли!

Я перебирал бумаги и бумажонки, а она быстро, щеки и губы в быстрых слезах, рассказывала. Как она и еще одна солдатская мать, Галина по имени, шли по дорогам и как пробирались... Две женщины. Ели у пастухов. Ночевали в поле...

Лицо в слезах, но голос ее твердый. Дорогу за дорогой... Исходили, обыскали впустую горы... Один раз чичей сразу пятеро...

– Вы... Вы... були...

Простая воронежская крестьянка, она не подбирала слова покрасивше.

– Вы... Вы... бли-бли...

Обеих женщин. Так рядом и положили на траве. Да, да, они обе знали, на что шли. Дуры... А главное – все бесполезно... Но один раз сразу пятеро... пятеро, – она захлебнулась словами. – Даже...

Я смотрел записанные ее рукой имена полевых командиров. От одного командира ее посылали к другому. От отряда к отряду. Не все же насильовали. Командиры, это правда, в большинстве своем были к матерям незлобивы, даже деликатны... Жалели... Кормили... Да и помнили, что через матерей скромный денежный ручеек все-таки журчит и журчит в их сторону.

Я смотрел имена. Нет... Не знаю... Даже не слышал... Нет... И про этого не слышал. Видно, эти боевики высоко в горах... Нет... Нет...

И вдруг увидел знакомое, хотя и искаженное написанием имя.

– Стоп, стоп, дорогая.

– Поможешь?... О, господи.

Я переписал себе в книжечку его имя. И дорогу, где он *работает*. С пометкой о матери. Чтобы не спутать.

– Попробуем, мать. Гарантий нет.

– О, господи... Майор!.. Какие гарантии. Конечно! Конечно!

Ее прямо затрясло.

– За тыщу? За тыщу?

Я ей объяснил, как это обстоит: я с матерей денег не беру. Тыща долларов – такса фонда. Это мой гонорар. Но это капля в море. Это в самую последнюю очередь... А сейчас, если к полевому командиру в горы мои руки и мои возможности дотянутся, ей надо будет денежку собирать и собирать. Ей понадобится восемь-десять... а то и побольше тысяч... Эти деньги будут требовать, будут вырывать прямо с рукой. Цепочка посредников... И конечно, на посредников, на этих промежуточных непредсказуемых скотов, фонд денег не даст... Это, мать, ты сама соберешь. Где?.. В России, конечно. Не здесь же.

Воронежская крестьянка. Доярка на ферме... У нее вырвался матерный вскрик. Простая женщина, привыкшая круто оттягивать соски корове и называть все прямыми словами.

А я говорил ей *мать*, хотя ей лет сорок с чем-то, ровесница. Она льстила мне изо всех сил. И даже восторг... Жилин! Майор Жилин!.. Надежда умирает последней... В фонде ей и подсказали – если у солдатской матери нигде не получается, надо к майору Жилину.

Она заговорила порывами, шквал слов.

– А как вам здесь в комнате? Не нравится? Разве так плохо?.. Бедно, правда... Но зато чисто. Вполне у нас чисто, – разгонялась она все больше.

У нас – значило у нее вместе с той самой Галиной, тоже матерью. Они вдвоем и снимали комнатуху.

– А кровать одна?

– Мы спим валетом... Зато постель чистая.

Как только бедная поняла, что я и впрямь что-то попытаюсь для ее сына сделать, она захотела мне понравиться. Изо всех сил... Изо всех каких-никаких женских чар... Лицо за-светилось. Но оно так и оставалось лицом солдатской матери, нахлебавшейся бед... Вздыхала... Хотела! Изо всех сил хотела подластиться ко мне и не знала, как... Захочу ли я ее такую? После чичей?.. Говорят, на войне даже козой не брезгуют... О, господи. Помоги нашим победить... Победить... Победить, – бормотала она слова. Неостановимая и уже ничем не стесняющаяся скороговорка!

По причине войны ее сын (если был еще жив) сидел сейчас безвылазно и кашлял в глубине сырой четырехметровой ямы. С переломанным носом... Сидел бок о бок со своим зловонным ведром. А она (с ума сойти) хотела этой войны еще и еще.

Уголок одеяла на постели был отогнут, возможно, чтобы я видел белизну свежей простыни.

– Нет-нет, дорогая, – успокоил я ее как мог ласковее. – Я по делу. Я только по делу. Напиши свое имя... и как найти... и как дать тебе знать. Если дело выгорит.

Ее звали Анютой.

Я впервые высмотрел ее в приемной какого-то полковника, где Аня ввалилась к высокому начальству, кричала,

требовала, бранилась... а еще минут через десять стал слышен ее вой. Я их навидался. Достаточно. Этих несчастных женщин... Солдатская мать!

Другой раз я видел ее на улице. Она, еще с одной матерью, возможно, как раз со своей напарницей по несчастью Галиной, шла куда-то на прием... Женщины вперебой говорили, спорили – и передавали из рук в руки какую-то потертую казенную бумаженцию.

И еще однажды я видел Анюту в полуразрушенном магазинчике, где она ела хлеб. Полбатона... Так прямо и откусывала, отрывала зубами. Жуя некрасиво, давясь... И прихлебывая молоком из дырявого пакета... Из пакета и текло, и капало, и женщина едва успевала перехватывать ртом белую вкусную струйку.

Глава четвертая

Хворь ранен... Мы с Гусарцевым подъезжали к Грозному, когда позвонил Руслан и выдал мне эту пугающую новость – Хворь в госпитале. Руслан хотел дать отбой, он явно торопился:

– Сейчас же звоню майору Гусарцеву.

– Он здесь. Рядом сидит.

– А!

Я сказал:

– Подскочи ты хоть на минутку... Мы только что переехали Сунжу.

– Ладно.

Через пять минут «жигуленок» Руслана был уже виден. Стоял на обочине, ожидая.

Руслан знал подробности вчерашнего боя лишь в общих чертах. Хворостинин колонну провел... Как всегда!.. Но какая-то случайная пуля... Может быть, снайпер... Хворь ехал не в танке, а в джипе. Если бы он в БМДэшке, в своей танкетке!.. И все же Хворь не просто провел колонну, а еще и разгромил засаду. Говорят, изрешетил всю левую сторону ущелья... Как это ему удастся!.. И вовсе не в джипе!

Хворь поймал пулю, как раз когда пересаживался из танка в джип. Выпрыгнул из танка...

Ранение вряд ли легкое. Если прицельная пуля.

Известие нас оглушило. Слишком неожиданно!.. Все трое мы смолкли. Долго молчим. Просто курим. Притихшее трио, как говорит Коля Гусарцев... Ранить могут каждого, война! Но ведь у Хвора все ранения легкие – ведь он как заговоренный! Основной проводник колонн в сторону Шали – Ведено. Наш выручалыщик и наш любимчик славы. Заодно любимчик медсестер, герой и немного хвастун!

Что дальше?.. Все трое думаем, не знак ли будущих потерь... Мелких... Крупных... Теперь открывай ворота!.. Моя жена как раз звонила, что зашла вчера в церковь и молилась. В городишке (что у большой реки) нашлась маленькая церковь. Но холодная... Жена мерзла, долго сидела там на стульчике.

– Ну-ну, мужики! – прикрикиваю я на них, на себя и на нашу длящуюся тишину... – Ну-ну!

Молчат.

– Есть же и другие неплохие проводники. Жизнь продолжается, – повторяю я им пожестче, по-деловому.

Я не хотел при них звонить насчет Хвора в госпиталь. Двойкое осторожное чувство. Мало ли что там!.. Не хотел дополнительной плохой информации... К тому же у меня дрожали руки. Я даже сунул руки в карманы... Дружба с Хворем была для меня даром небес. Даром – и задаром. Ни за что... Настоящая дружба! Хотя общались мы с ним мимоходом. Пять-шесть слов.

Когда-то я помог капитану Хворостинину по мелочи, ка-

жется, с соляжкой. Пустяк... Но этого хватило. Настоящая дружба всегда задаром. С тех пор сотню раз я пристраивал свою горючку в его разномастные колонны. Я и видел-то Хворя обычно на дороге... в основном на дороге... в эти пыльные, грязные, крикливые минуты. Когда в его колонну пристраивается мой бензовоз. Мои грузовики... Издалека его видел. В джипе... Или стоит на дороге, орет на БТРы... Никто ни фиги не слышит. Рев машин. Крики... Диалог сказочный!.. Только рукой помашем друг другу – вот вся дружба. Издалека...

Щупловатый! Тонкокостный!.. Капитанишка!.. Ах, нет, он уже майор. Но как же долго его придерживали. Ревновали... Смелый и знаменитый должен быть не любим начальством. Логика войны... Ну, прямо Чапаев или Чкалов, – а зачем Чапаеву или Чкалову лишняя звездочка, если у него слава!.. Всегда в камуфляже. Голосок, конечно, у него мог быть погуще... Для большинства так и остался капитаном Хворостининым. Чеченцы его звали просто Хворь.

И не берут его прицельные пули, и облетают его осколки! Интуитивный проводник колонн!.. Сталкер!.. Гениальный хозяин чеченских ущелий!.. Сгусток героизма!.. Как только не писали о нем в армейских газетенках. Но для меня это ничто. Просто шумливая болтовня... Впрочем, приятный привкус нашей дружбы. И я эту издалекую дружбу ел, что называется, большой ложкой.

Хворь мне помогал, не зная (или делая вид, что не зная)

про каждую десятую бочку – про мой бизнес. Он просто проводил очередную колонну, а с ней мои грузовики. Он снабжал армию горючкой. Вот и все. Зачем гениальному человеку знать подробности?.. Незачем... Зачем орлу с высоты видеть чужие (да и свои) какашки на ветках деревьев?.. Орел видит вровень. Орел видит горы. Отдаленные вершины на Северном Кавказе бывают красивы. Очень! Дух захватывает... Разумеется, всякий не прочь побыть орлом в этой жизни. И я тоже не прочь. Но, увы, сначала надо дожить жизнь майором Жилиным.

– Звони, Александр Сергеич... Звони, – говорит негромко Руслан.

И Гусарцев со вздохом:

– Звони, Саша.

Однако меня все еще тормозило. Парадокс: мне приятно, что мне больно. Вот ранили Хворостинина – и мне по-настоящему больно. Только так и чувствуешь, что там, в госпитале, – друг. Боль завораживает. Боль остра и сладка.

Ага! И Руслан переживает за раненого Хвора. (А не только за очевидный уже сейчас убыток наших денег.) За врага, в сущности, переживает – за удачливого вояку-врага... за федерала!

И когда я вынимаю мобильник, а Коля Гусарцев кричит с удивлением: «Са-аша!.. У тебя дрожат руки», – Руслан вскипает благородством и признается:

– У меня бы, Коля, тоже дрожали.

Поколебавшись, с кого – с штабистов или с врачей – начать горький опрос, я вдруг звоню напрямик Хворостинину – и чудо! – слышу его голос. Голос без хрипов... Уже легче!

Спрашиваю его:

– Разве ты бываешь ранен?

Саша!.. Сам удивляюсь.

Такой живчик... Тебя же не берет пуля.

Вот именно!

Может, осколок?

Да-а!.. Какая-то ошибка в природе. Сбой.

Мы с ним посмеиваемся. Мы еще и тезки. Ему особенно идет имя Александр!

– Как ты, Саша?.. Как твой склад, как твои бесценные бочки?

А я все не решаюсь и не спрашиваю, – что за ранение и как он дальше.

А Хворь про бочки...

– Что бочки!.. – сердито говорю я. – А вот люди!.. Ты вот давай поправляйся... Люди уже гроша не стоят!

И я коротенько рассказываю ему о пьяных солдатах-новобранцах, остановленных чичами на дороге. О голых солдатских задницах... Выставленных на обзор прямо с грузовика!.. Комедия. И о том, как среди этой дешевой комедии едва-едва не пристрелили. Меня... А заодно и Руслана.

– Нуу! – Хворь в голос смеется. – Едва-едва – это, Саша,

не в счет!

Он может смеяться!.. Возможно, не всё так плохо... Но как раз теперь, когда я решаюсь спросить всерьез, голос Хвора сдает... Слабеет. Я даже подумал, что дело в телефоне. Что в звуковое поле влезли вертолеты... Или другая техническая мусть.

Из пустоты объявляется незнакомый голос.

– Майор Жилин?.. Больной не может говорить долго. Раненый тем более... Я врач. Я перезвоню вам.

О нашей дружбе знали. Даже врачи. Я со своей особой, складской славой и Хворь со своей большой, звучной, громкой!.. Можно и так дружить. Оставаясь на равных... Он раз за разом меня выручал, а я?.. А я – ничего. Я ему – ноль. Настоящая дружба!

Врач перезвонил через две минуты и был предельно краток – раненому Хворостинину сегодня же назначат день операции. Что за операция?.. Посмотрим... Возможно, операций будет несколько.

Вот и весь разговор.

Врач важничает. Мы же должны его понимать... Его занятость... Он устал противостоять, он измучен толпами спрашивающих!

Гусарцев толкает Руслана, а Руслан меня – про ранение? Про пулю?

– Тяжелое ранение? – успеваю спросить я.

– Плохое, – отвечает врач очень-очень тихо.

Он, видно, уже отошел с мобильником в сторону. Может, к окну... Подальше от бодрячка героя. Который завтра-послезавтра на столе под скальпелем забудет все свои подвиги. Лишь бы выжить.

Я уже с расстояния слышал, как бухают бочки друг о друга. Что за гнусные, тюремные звуки!.. Второй пакгауз. Автоподъемник сломался?

– Сломался... К обеду починим, – привычно говорит Крамаренко.

Он же предлагает:

– Т-риш майор. Может, хоть Пака перебросим на погрузку?

Кореец Пак – наш писарь.

– Пак цыпленок.

– Вот и пусть хотя бы сидит с карандашом на погрузке.

Но я не согласился. Пусть сидит на своем с бумагами. Самое время проверок... А тихий Пак любых и разных нагрянувших к нам проверяльщиков делает довольными сверх! Это его какая-то особая красота бумаг и бумажек. Проверяльщики даже возбуждаются. Им хочется Пака съесть! Я по глазам видел... Чистое, без помарок, уверенное письмо корейца. Цифирка к цифирке, вязь.

Когда Пак первый раз положил передо мной и Крамаренкой опись пакгаузов... накладные... приход-расход... и прочее, Крамаренко стоял и смотрел, разинув рот. Возможно,

я тоже... Боже мой!.. Как идеально у корейца устроен наш мир. То есть, в бумагах. То есть, отражение нашего мира. Империя порядка... Чудо!.. Опись напомнила мне старинные кружева, которые я видел однажды на рынке. Вынесенные случаем на продажу, уже пожелтевшие, они притягивали взгляд. Ажур... Они были не из нашего времени. Их так и не купили.

Нет-нет, пусть трудится. Пусть сидит сиднем. В своем восьмом пакгаузе... Пусть, как всегда, сам один и перед ним только стакан солдатского компота... Пак приносит свой компот с обеда. И пьет компот экономно, долго. Редкими глотками... На миг отрываясь от бумаг. Не зря мы его выдержнули из грузчиков на чистенькую работенку. Пиши, кореец!

Я завернул за второй склад.

Там уже не слышен грохот бочек. Там у меня существует моя «лунная» полянка. Уединенное место... Стол вкопан прямо посреди распахнувшихся, расступившихся кустов... Скамейка для задницы и для уставших ног. Полянка почти в полный круг огорожена колким боярышником. Боярышник – сам по себе тоже ажур. Ажур природы. Также старинный и непродажный (непролазный).

Без помех. Без людей... Также пядь земли. Отсюда поздними вечерами (а то и ночью) я звоню жене. Здесь хорошо... Наши ласковые и притаенные разговоры. Иногда длинные.

Но был день.

Я позвонил и лишь кратко дал знать, чтобы она пока что

не начинала покупать стройматериалы для хозблока. Надо выждать... Потому что (я дал это понять) с деньгами, скорее всего, будет задержка.

– Саша... Это надолго?

– На время.

Жена спросила, почему, и, как обычно в неожиданных или трудно прогнозируемых случаях, я ответил одним словом – бизнес!..

Перечень потерь, начиная с субботней атаки чичей.

По пути в воинскую часть за № – Залитые под завязку бензовозы... Плюс мой новенький грузовик с бочками солярки. Заменил Хворя капитан Зыбин. Неплохой вояка. Вел колонну правильно. В ущелье вошел правильно. Все правильно... Еле уцелел.

Бензовозы – оба – сгорели... Солярка из грузовика наполовину разграблена. Без малого даже смущения... Сбрасывали бочки прямо в овраг. Пусть катятся... В итоге всего-то \$1500.

Вместо верных девяти-десяти тысяч нам досталась ерунда.

Грабеж по пути в в/ч за № – Бортовой «Урал» с бочками мазута. Нападение... Сопровождал наши бочки Руслан. Что и спасло от полного разгрома. Каждому из нас вместо четырех тысяч еле наскреблась половина. \$2000.

У моего камуфляжа за долгое время сильно оттянулся левый карман. Разного рода тяжестью... Сейчас тяжести ни малейшей, пуст. Так что глядел мой карман, как пасть, голодная и жаждущая. Руслан бросил туда, в пасть, пачку денег. Легким движением кисти... Никакой тайны. Это просто доля. За привезенный мазут наш приработок... Потому что хоть что-то мы в в/ч за №... привезли... Надо сказать, что в пасть моего кармана вошла бы большая пачка. Гораздо большая... Карман бы проглотил, не поперхнувшись.

Увы, не в эти дни.

Чичи про Хвоя и про неудачи, разумеется, тоже знают и атакуют теперь практически в каждом ущелье. Только-только увидишь на дороге впереди пять кустов. Под ними пять чеченцев.

По пути в в/ч за № —. Днем!.. При ярком солнце!.. В «КамАЗе», помимо заказанного федерального бензина, была часть наших бочек сверх разрядки... Все спалили. Вчистую. По счастью, примчались вертушки, действующие «по вызову», и спасли солдат. Сверху отлично видно. Помогло это самое солнце. Яркое было солнце в тот день. \$0.

По пути в в/ч за № —. Классическое нападение, когда уже проскочили Старые Атаги — как только колонна вползла в ущелье, сработал фугас. Подорвали головную машину. В самом узком месте ущелья... И уже не объехать, не двинуться дальше. Но и назад хода не было... Подбили замыкавший

колонну танк. Колонна невелика и оказалась сразу парализована... И теперь чичи уничтожали боевые машины, одну за одной... С правого взгорья. И с левого... \$0.

Из танков выскакивали оглушенные солдатики. Прямо под пули... Бежали, шатаясь. Зажимая руками уши. Из ушей тонкие струйки крови... Первыми попрыгали те лихие, кто оказался на броне БТРов... Эти хоть как-то отстреливались... И гибли... Все горело. Однако же в том жутком огне не пострадал бензовоз с дизельным топливом, не пострадал и грузовик с бочками солярки... Ни одна пуля не попала. Не чиркнула даже.

Потому что полевой командир, хваткий Абусалим Агдаев, организовавший засаду, внимательно следил за боем. Очень внимательно.

Руслан (он был с плановой колонной) узнал о разгроме только к вечеру. Хоть и не сразу, он выяснил, что ушел бензовоз и ушла захваченная горючка – к Абусалиму. Тотчас впрыгнув в «жигуленка», Руслан отправился к нему разбираться, однако без пользы. Абусалим Агдаев смеялся... Предложил копейки.

Тогда Руслан прямо дал ему знать: часть топлива и половина солярки от майора Жилина – она для чеченцев, для полевого командира Гакаева-старшего. За деньги. Там, у Гакаева, уже определена и готова оплата.

Абусалим смеялся.

Этот Абусалим был в свое время взят в плен. Но то, что вертолет с пленными перегружен, федералам стало понятно уже только в воздухе. И Абусалима сбросили на какой-то холмик. Отлично гляделся этот холмик с высоты... Просто выбросили. Тесно было в вертолете.

Абусалим упал, поломался. Он полз. Он перенес жуткие боли. И ведь дополз... И на ноги встал. Через полгода. Хотя и хроمال... Но главной победой и приобретением Абусалима в те дни была вера – он заново уверовал в Аллаха. Как и многие вдруг спасшиеся. Год целый Абусалим поражал родню страстью и истовостью своих молитв!.. Он вернулся к свету. Он иногда рассказывал близким, что он готовится в рай.

С желанием попасть в рай к настоящим воинам и к грудастым гуриям конкурировало только желание, чтобы ему привели пленного. Русского пленного, который был бы ранен и от голода уже едва бы стоял на ногах... Ему привели... Но это оказалось ненадолго. Натешившись, Абусалим не знал, как теперь жить без земной цели. Рая еще надо было дожждаться... Мертвый русский был, как решето. Сквозь него было видно землю. Кустики травы... А что дальше?

Абусалим заскучал. Он скучал, пока его не оживили вдруг деньги, деланье денег, а конкретно – перепродажа бензина. Он не стал жадным, но деньги успокаивали. Он сколотил отрядик и перехватывал горючку где только мог... Он так и сказал приехавшему разбираться Руслану... Он, Абусалим, воюет не с русскими. С русскими он поквитался. И Абуса-

лиму теперь все равно, кто и что, где и с кем... Он воюет за бензин. И не вернет ни полбочки.

А если Руслан ему конкурент, тем хуже для Руслана.

Полевой командир Гакаев-старший ждал свою долю горючки. От меня... Он так и не дождался. Руслан дал ему знать про Абусалима. Из уважения Руслан не только позвонил Гакаеву, но и съездил к нему. Все честно!.. Они пили чай... И Руслан сказал, что готов помочь с Абусалимом разобратся.

Но полевой командир Гакаев сказал, что он сам... Ему самому хочется. Он сам знает, как быть, если хищник повадился. Он поквитается с Абусалимом. Он случаем как раз знает родовое село хромого Абусалима Агдаева. И что Абусалим теперь богат. И про его замечательный каменный дом... В центре села... С зеленым флагом на крыше.

С утра помолившись, ощущая приятно натрудившиеся в молитве колени, Абусалим вырулил из своего замечательного дома... Ворота плавно открылись. В движении ворот чувствовалось достоинство. Абусалим еще не отошел вполне от молитвы... С тем же достоинством, плавно, абусалимовский БМВ плыл через центр родного села.

Абусалимовский БМВ по праву красовался пуленепробиваемыми стеклами и угловыми отражателями, а кой-где с флангов вместо стекла была качественная заводская броня. Но только-только машина выехала из села, из ближайшего

куста слева ударила молния... Реактивная граната «Муха»... Но, скорее всего, РПГ-26. Уж очень нацеленно ударила она в лобовое стекло... Противотанковая... Огненный шар во-
рвался в салон машины и сжег в секунды и Абусалима, и его охранника, и его сына – мальчишку, которого Абусалим вез устроить учиться (между прочим, в русскую школу в Гроз-
ный).

Чадившие остатки машины вылетели на обочину. Дым шел невысоко. Ничего больше. Горела уже пустота... И только оторвавшаяся задняя стенка БМВ лежала на дороге, четко подсказывая место происшествия.

Срочный бензин – грузовым вертолетом!.. Шума и треска полные уши. И сопровождали нас два боевых «Ми-8»... Мы спешили.

А когда пролетали низко над чеченским селением, лейтенант показал мне в оконце на дорогу под нами. Там я разглядел десяток малолетних калек... Детей... Они ползли по дороге. Прямо под нами... Кто без руки, кто без ноги... Жуткий и страшный выползок калек лейтенант сам комментировал. Я не просил. Я чувствовал тошноту, а оторвать глаз не мог.

Дети, ставшие калекками от недавних бомбежек, обзавелись собственным рефлексом. Как только шумы вертолетов, здоровые дети под рев и треск убегают, – торопясь, они прячутся в ближайший перелесок, а что калекки?.. а калекки вон

из домов и на дорогу!.. Ничего лучшего у них нет. Калеки уже научены. Потому что им на открытом месте – безопаснее. Дом не спасет, дом может загореться от бомбы. Перелесок тоже может вспыхнуть. Еще как горят перелески!.. А вот дорога цела. Дорога не горит.

Я не отрывал глаз от безногого пацаненка. Он только-только успел с крыльца на дорогу... Полз, волоча пустую штанину. Прямо подо мной.

– И что, – спросил я. – Село не бомбят?

Лейтенант ответил коротко:

– Жалеют.

Всякий знает, что жалость уязвимое чувство. Чувствишечко небольшое. Однако оно нет-нет и высунется... То там, то здесь... И пусть, пусть!.. По мне, комментировал лейтенант, такая вот малость жалости – единственное великое, что здесь, на этой войне, осталось.

После того как мы с Русланом не дали порезать и еле-еле спасли прибывшую на вокзал пьяную солдатню (выручили заодно с нашим бензином), я сказал Руслану спасибо. Оно как-то само вырвалось. Когда мы уже были на складе... Когда уже чай.

Как-никак в той дурной заварухе он, чеченец, стоял против чеченцев... Мог получить пулю. Щекотливая, гнусная минута. Стоял и слушал попреки единоверцев.

– Напряг был... Спасибо тебе, – я сказал ему просто так, почти машинально.

– Не нужно мне твое «спасибо». От этих «спасибо» блевать хочется, – ответил Руслан.

От *этих* – значит, от *ваших русских*. Руслан такой. Внешне он закрытый. Он как раз из тех, кто вынужден помалкивать на болезную тему. На *русскую* тему его не выманить, если вокруг чужие. Ни оскорблением, ни провокацией спорщика... Молчун... Но зато свою антирусскую позицию он не скрывает от близких. И пусть близкие его слышат. И пусть знают. А майор Жилин – как раз близкий, свой, пусть тоже слышит и знает.

Я сказал:

– Ну-ну!.. Обойдемся.

Раз уж он не хочет «спасибо».

Хотел ли он поражения федералов?.. Еще бы!.. Несомненно. Но при этом, русских недолюбливая, Руслан хотел и даже старался внушить им к себе уважение. Он честный – он порядочный... И он хотел бы, чтобы русские его уважали. Настоящий чеченец.

И какая же стрельба могла быть там, где остановили пьяную колонну! Первые же пули были бы в нас с Русланом... Такие напряги на чеченских дорогах самые опасные и непредсказуемые. Напряги, как набухшие нарывы. Да и полевой командир Маурбек был совсем не сахар! Мы стояли на самом краю... И был ясный-ясный день... А я негромко насвистывал. Я все еще помню мелодию... Небо для нас с Русланом было в те секунды рядом. Совсем рядом.

Я представил себе наши души, взлетающие на небо... Разнобоговые! Воинственные души!.. А по сути – детские воздушные шары разных расцветок. Моя... Руслана... ну, еще две-три души наших шоферов... четыре, скажем. А с нами и разноцветные души чеченцев, тоже не менее дружно взлетающие, спешащие к небесам... После взаимной беглой стрельбы. Дружнее, ребята. Все вместе!

Прямоком к небу – с проселочной пыльной дороги. Но и на лету, уже подымаясь и вдыхая синеву, наши души сварливо перекрикиваются... Кричат... О солярке. О бочках с бензином. О том, кто первый начал стрельбу... Небесная, но все еще земная разборка.

Звонок жене... Будить не хочется, но уж так у нас повелось, что я ее бужу – мои звонки ночью нежнее. Жёнка привыкла. Женщина привыкает к ночной нежности. (К необходимости ночной нежности.) Она уверяет, что, разбуженная моим голосом, она после спит слаще и дольше. Пусть!

Вокруг меня лунная полянка... Ночь... Я один. Сажу за вкопанным в землю столиком. Сторожит меня только боярышник... Ну, и луна.

– Саша?

– Я.

Я чувствую, что она улыбается. Сонные ее губы... В ее улыбке.

Опять луна?

Опять.

Я говорю ей какие-то мелочи, глаза мои уперты в ночь... И в кружевную стенку боярышника... Но все равно я вижу свое. Как можно не увидеть!.. Там – в далекой дали – на берегу все той же большой (но не называемой) реки географическое пятнышко. Пядь земли. И дом...

Я, собственно, уже днем дал жене знать, чтобы она слегка (именно слегка, не рывком) попрiderжала стройку, так как денег у нас (у нее) будет теперь поменьше. Это не беда. У реки многие сейчас именно так (так замедленно) строятся. Выбранный нами городишко сам по себе тих. Так что стройка даже без крышевания (без бандюков)... Хорошее место.

Луна... Жена притихла. Жена слушала. Ей хотелось еще.

И словно бы в параллель далекому дому, на меня здесь повесили долгострой – Внешний склад. Убогий, бедный, он в Ханкале, но находится поодаль, вне моих складов. И почти не охраняется. Действительно внешний... Работают только чеченцы. То трое их. То всего двое... Лет сорока, но кажущиеся уже стариками, рабочие словно ползают по замороженной во времени стройке. Тихо-тихо движутся меж низкорослых стен. Или тихо-тихо спят (здесь же).

Это недалеко. Мне только выйти со своих складов... За ворота... И пройти метров сто. Или на джипе... Готов здесь лишь фундамент с покрытием, и на метр-полтора кой-где выведены стены. Над огрызками стен чистое небо. Зато внут-

ри этих стен-недомерков удобно поговорить... Они защищают от шума и, например, от подслушивания. Иногда они защищают от ветра. Но от дождя нет.

Деньги платятся только прорабам – Руслану и Руслану-Рослику. Почему и на какие шиши появляются здесь двое-трое пропыленных, выжженных солнцем рабочих, я не знаю. И оба Руслана не знают. Хотя это наша стройка.

Я и Руслан-Рослик, мы в тот день пришли на стройку одновременно.

– Привет.

– Привет.

Мы поднимаемся на недострой по лестнице-временке, без перил.

– Эй вы... Осторожнее!

Рослик громко кричит на рабочих. Он каждый раз громко кричит. Предупреждает, что идем.

– Э! Они селяне... Кирпич на голову бросят, – заботливо говорит он.

И не без доли презрения он, пока мы топаем вверх, объясняет: сельские!.. Они все сельские!.. Только-только от своих баранов отошли на два шага. Не соображают. Если ему надо – берет кирпич. Если не надо – бросит кирпич вниз... А если там, внизу, чья-то башка, его не колышет!

Однако при виде нас эти сельские все-таки заспешили. Этих людей сразу узнаёшь. Руки их к кирпичу непривычные. Корявые руки... Настоящие крестьяне. Настоящие ко-

сить-копать. Эти их вечные причитания, что денег нет... денег надо!.. для дочек надо!.. замуж дочкам надо!.. Оторванные нуждой от села, они смотрят на стройку тусклыми глазами. И на городских людей... На всех... Не различая чужих-своих. Им чужды Русланы, что один, что другой, им чужд я... Мы для них как некие сытые инопланетяне.

Но ненависти в них нет и на грамм. И ведь тоже настоящие чеченцы. Вот они. Грязноватые трудяги, с узловатыми руками, с артритными пальцами от работы на холоде... в снегу... Они боятся меня, боятся Рослика... И так редко засветится в их глазах вдруг улыбка. Проходя мимо, я похлопываю ближайшего ко мне по плечу: «Как дела, дорогой!..» – и тогда он улыбается. Но даже и с улыбкой он смотрит мимо меня, мимо Рослика... смотрит куда-то далеко... куда-то, где его незамужние дочки... где некормленные блеющие бараны.

Потоптавшись около (для поощрения вялой их работы), мы с Росликом отходим *поговорить* от рабочих подальше. Недострой похож на лабиринт. Кругом в полроста стены... Над головой небо... А говорить нам с Русланом-Росликом в общем не о чем. Поэтому мы говорим о войне. Здесь все так. А о чем еще?

В отличие от притаенного Руслана прораб Руслан-Рослик весь на виду, особенно на виду и на слуху его антирусскость. Он без конца козыряет нелюбовью к русским. Он такой!.. Но я ему не верю. Его антипатия просто слова, просто болтовня. Легкая, нравящаяся ему самому болтовня! Росликом, кста-

ти, его прозвали русские. Ласково прозвали.

Никто у него не был убит. Никто из родных не погиб ни под бомбами, ни во время зачисток. Редкий случай. Счастливчик!.. И однако же маленький вулкан, переполненный злобой и ненавистью, – вот каким появился на вялотекущей стройке молодой Рослик-Руслан. Носил на виду нож в первые дни. Не угадать – кинется на тебя или тебе улыбнется. Я понял его не сразу. Тоже глупость! Недели две, не меньше, я ему соответствовал – носил пистолет с расстегнутой кобурой.

Однако постепенно притерлись... Мало того, Рослик за-уважал меня. Он подражал мне... Он подпал под мое влияние. Такое на дороге не валяется. За будущее можно было быть спокойным. Он усмехался, как я. Подсмеивался, как я. Курил, как я. Словечки мои повторял... И главное (главнее здесь не бывает) – Рослик хотел быть мне другом.

Эта (могущая быть или не быть) дружба – его всегдашняя тема... Помимо войны... Конечно, Рослик в курсе моих с Русланом и с Гусарцевым дел. Рослик знает про наше трио. Все знает.

На правах своего и знающего он прямолинеен:

– Если Руслана убьют... Когда-нибудь... Я буду для тебя вместо него.

То бишь в моем солярно-бензиновом бизнесе он заменит Руслана. Чем, собственно, Рослик хуже его?.. И не только заменит... Он будет полезнее Руслана. Не просто партнер...

Он будет моим *другом*. У горцев это не говорится просто так!

– Тебе нужен друг горец, Александр Сергееч.

Разговор наш абстрактный, друг-горец тоже абстрактный, так что я не реагирую никак. Может быть, и нужен.

– Майора Гусарцева тоже могут убить. Я заменю того, кого убьют первым...

Это он уже шутейно. Но только наполовину шутейно. Без смущения.

Мы о войне.

– Слышал? – Рослик делает серьезное лицо. – Колонну под Урус-Мартаном раздолбали.

Хоть и молод, Рослик со мной на «ты», однако же при случае – по имени-отчеству.

– Не раздолбали пока что. Заблокировали.

– А куда она денется теперь?

Я пожимаю плечами.

– Куда-нибудь.

– Разве что на небо, а? – привычная дерзкая острота.

Конечно, Рослик болеет за своих – я за своих. Но ссор у нас нет. Болельщики, но не ярые фанаты. Мы общаемся, как общаются интеллигентные любители футбола. Как многолетние поклонники. Которые (так уж по жизни получилось!) прикипели сердцами к разным и – увы – соперничающим командам.

Чеченские новости – это как глянуть с изнанки... Рослик не может скрыть и не скрывает радости, когда проносится

слух, что чичи раздолбали колонну. Потери в ущельях! Самый-самый пик наших страстей! Зато я ликую (а он мрачнеет), когда колонна все-таки прорвалась.

Я не смотрю телевизор, хотя на складах есть «ящик» и есть эта редкая возможность. Не люблю лукавый базар. Не люблю сожженные дочерна наши танки... Не люблю и этот обязательный нынче телевизионный кадр, когда очередной застреленный Хаджи Мурат растерзан, валяется на земле... скрючен... пуль двадцать в нем... но лицо непременно на самом виду. Не люблю и не смотрю. И прежде всего потому, что я видел многих полевых командиров вживую... Они мне враги, знаю. Но их трупы мне неинтересны.

Подъехал к недострою Руслан и по хлюпающей, прогибающейся лестнице поднимается к нам с Росликом, извиняется, что опоздал... Ведь он знал, что я скоро уйду на мои склады. (Конечно, Руслан с удовольствием пришел бы ко мне на склад, в мою офис-квартирку. Поговорить о горных дорогах и о солярке. За чашкой чая... Но этого ни ему, ни Рослику нельзя. Никак нельзя. Им не место там, где сотни бочек с федеральным бензином. Они – чеченцы.)

Руслан начинает медленно и отдельно, как бы диктует текст:

– Александр Сергеич... Кое-что сказать хочу... Чтоб не забыть... Вы же сейчас уйдете, знаю, а вдруг... важно... Вот я думаю...

Он тянет и тянет слова, давая Руслану-Рослику почувствовать, что тот в разговоре сейчас лишний. (Рослику необязательно знать все наши подробности. Должен понимать!.. Он в дружбе с нами, но он не в бизнесе.) И Рослик, деликатный, понимает. Хотя, конечно, не без ревности.

Рослик кивает головой:

– Ну, я похожу... Послежу, как они... Покричу на этих ослов!

Идет покричать на рабочих... Рослику это нравится.

Мы вдвоем.

– Как дела? – улыбается Руслан.

Это он умеет, улыбаться. Весь ясный, толковый и дружелюбно смотрит. Настоящий горец, который знает, что он горец. И знает, что в эту минуту он на виду.

Я спрашиваю о его жене... Он спрашивает о моей... У меня жена, дочь и строящийся дом. У него тоже жена, двое детей и строящийся дом. Это как ритуал. Это Восток. Обменяться словами о главном.

Война в эти минуты для нас с Русланом где-то на обочине, в стороне. Война касается нас, но мало. И нам особенно дорого наше с ним партнерство. Руслан хороший семьянин. Все работа и все для семьи. (Как и у меня.) Мы улыбаемся, шутим. Нам немного совестно, что мы так ясно, так понятно любим свою жизнь. (И что жизнь любит нас.) Временами наш с ним бизнес опасен, война! Но мы оба хорошо чувствуем, где красная черта. С Русланом (и здесь вся разница

с Росликом) мы не говорим о дружбе.

Мы глядим в пустое окно недостройки.

Я посмеиваюсь, эта грязная стройплощадка – наш с Русланом офис под открытым небом.

– Удобнее места не найти, – улыбается он.

И разводит руками:

– Несколько раз Коле звонил – не отвечает.

Коля Гусарцев и со мной второй день без общения. Но такое случается, когда у них в штабе боятся утечки информации. Когда запрещают офицерам вообще говорить по телефону. До определенного часа завтрашнего дня.

Гусарцев продал партию «АК»... Коля, прихваченный скорее азартом, чем желанием заработать. Море ему по колено!.. В штабе выписали больше сотни автоматов, которые Коля должен был отвезти в одно из селений. Отдать их горцам, насмерть поссорившимся с Басаевым. Просто раздать стволы. И скорее-скорее назад... Это тоже контакт с населением.

Но зачем же раздать, если можно продать? Перехватить легкие деньги! Если уж ему, Коле Гусарцеву, покупатель как раз подвернулся... Правда, покупатель темный. Опасный. Но если аккуратно... Если быть начеку... У Коли наверняка уже с первой минуты хищно раздувались ноздри. Он любит опасность.

Однако надо еще было найти подходящую под его замы-

сел машину.

Торопясь не упустить нечаянный барыш, Коля примчался ко мне на склад. Здесь все говорят на складах, ударяя на «ы». На моей территории, и правда, два склада, и на дверях каждого висят правила с параграфами... Но что правила и параграфы, если я в отъезде. (Я был в Грозном.) И поскольку мы приятели, Гусарцев вполне по-приятельски разгуливал с моим Крамаренкой... Вдоль пакгаузов. И прицеливался глазом... Нашел!.. Поохав, что меня нет, он взял у ничего не подозревающего Крамаренки мой старый «уазик». И еще выпросил на час-два одного моего солдата, чтобы этим «уазиком» рулить. Самого туповатого взял, большого любителя поковырять в носу... После чего впрыгнул снова в свой лихой джип.

И в путь... Сначала «уазик» тащился за джипом пустой. Затем его набили выписанными Гусарцеву автоматами. Миновали комендатуру, потом блокпосты. С штабным офицером все хотят ладить. С веселым и обаятельным!.. Который с каждым умеет посмеяться. Да и бумаги в полном порядке. Да и в лицо редко кто не знал майора Гусарцева.

Джип Коли и «уазик», обе машины, ехали одна за одной. Выехали на ничейную дорогу. А уж там можно рвануть. К чеченцам... На «стрелку». С которыми Коля сговорился. К лояльным чеченцам он ехал или нет – ему неизвестно.

Мне – ни слова про продажу.

Так что спустя два дня сердит я, конечно, был. Но пока

что сердит только за «уазик». Каждая, мол, складская машина как родная... Привыкаешь!.. А Гусарцев, слегка виноватясь, объяснял мне по телефону, как он торопился. И как он оставил чеченцам (враждующим с Басаевым) оружие прямо с «уазиком». И что те клятвенно обещали машину вернуть.

– Больше так не делай, – я строго ему выговорил.

– Конечно!

– Я, Коля, не хочу сейчас орать и крыть тебя матом.

– Я понял, Саша...

Не хочу, не люблю бранить своего человека. Особенно если по телефону. Поэтому я лишь понижаю голос. До гневного шепота.

Машину чеченцы не вернут, это дважды два. Азартного неслуха Колю лишь отчасти оправдывало, что он и впрямь не знал, что меня на складе нет. И ведь он звонил мне... И ждал... А потом решился и просто взял «уазик». Это, мол, в его характере. Азарт, мол. Терплячки не хватает... Извини.

– Я, Коля, хочу, чтобы ты понял без ссоры. Раз и навсегда.

Он соглашался полностью. Конечно, Саша... Разумеется, Саша...

Каков, а?! Продавший чичам машину автоматов и получивший хорошие деньги, он строил из себя незнайку. Да и деньги не главное!.. Всплыви продажа, фээсы прихватили бы не только его, но и меня, и Руслана... Ответственность – штука сволочная и липкая! Лезешь в яму, с собой не тащи... Повязанные бензином, мы, несомненно, оказались бы повя-

занными и продажей оружия. А там совсем-совсем другой разговор и другая статья!..

Меж тем Коля Гусарцев сидел в эту минуту в штабном коридоре, где-то в уютном уголке, и дурил мне голову – каялся по мобильному телефону... всего лишь в утрате «уазика» – в мелочовке!

А незнайкой был я.

– Смотри, Коля! Другой раз тебя вообще на мой склад не пустят.

Я не по чину ему выговаривал, мы оба майоры, а по возрасту. По опыту. Я, можно сказать, деликатно вправлял ему мозги. Как старший в нашем бензиновом бизнесе – младшему. И обидеть его, конечно, не желая. Я думал, что даю ему урок.

А он по-дружески блял. Поддакивал. Наверняка в ту минуту он был уверен, какой он молодец. Крутой... Как все ловко. И как он весь мир обскакал!.. Да и кому, мол, не импонируют лихость и отвага штабного офицера, который носится по чеченским дорогам без охраны, сам за рулем!.. Разве мы не знаем других штабистов!

Притом что Коля Гусарцев не был жаден до денег. Он, несомненно, уже искал, чем себя занять, когда энергии через край! Он явно томился при своем читающем генерале. Молодой! Возможно, он уже и при мне томился... Не знаю... Как такое узнать!

Конечно, ранение Хворя. На него подействовало, что и

Хворь, и Костомаров, оба в ауте... Что колонны ненадежны. И что наши солярка-бензин прибыли сейчас не дают... То ли дело стволы!

Именно молодой азарт гнал его с этими автоматами на «стрелку». Кураж!.. Захотел попробовать.

Вырулив к назначенному месту, Гусарцев пересадил прихваченного моего солдата в свой джип – велел застыть вместе с джипом на дороге и ждать. Ничего не делать. Сидеть... Сиди, ковыряй в носу.

А сам на «уазике», полном оружия, свернул в гнилой перелесок. Проехал вперед еще полкилометра – прямо к болоту. В одиночку. Смелый... В ногах автомат... С другой, с чеченской стороны болота на «стрелку» прибыли две машины.

Тоже джип и грузовичок с закрытым кузовом... И сразу из обеих машин высыпали чеченцы.

Майор Гусарцев не дрогнул. Эти шустрые чичи как раз для разгрузки... Место не для войны. Место для мира. Дивный лесок! А каков спуск и изгиб дороги!.. Болотце лишь чуток подванивало. Изумрудно-зеленая ряска... Там задыхалась мелкая рыбешка, не успевшая в жару уйти в речку.

Федеральный уазик с автоматами АК-74 и грузовичок чеченцев, загруженный для тяжести лапшой арматуры и кусками рельсов, съехались поближе. Принюхивались нос к носу.

Стояли в мелкой воде. Майор Гусарцев и полевой командир держались рядом, бок о бок, и курили. Никто, впрочем,

не нервничал. С минуту еще чеченцы потомили Колю под прицелом. Все честно. Затем началась быстрая перегрузка. Мы вам – вы нам.

Автоматы из «уазика» быстро-быстро переносили в чеченский грузовичок, а куски рельс и арматуру из чеченской машины – в этот жертвенный федеральный «уазик».

Переносить металл здесь неудобно, скользко ногам. Зато следов не оставят... Никого не задев, никого не толкнув... Чавкали по болотной траве, по воде. Чеченцы, особенно когда они несли рельсы, слышно кряхтели, а то и издавали трубные звуки. Тяжко!.. Майору Гусарцеву звуки не нравились. Он нет-нет и стрелял насмешливым острым глазом – что это с ними?.. Что за бойцы!.. расперделись... притом на каждый второй шаг... Мы так не договаривались.

Полевой командир, застеснявшись, сказал:

– Тяжело.

Майор Гусарцев кивнул, но остался строг. Конечно, тяжело!.. Понимаю! Однако в следующий раз на «стрелку» возьми других.

Когда обмен завершился, федеральный (складской, мой родной!) «уазик», груженный теперь уже рельсами и арматурой, загнали в болото чуть подальше. Жертвоприношение. Уже через минуту он сел ниже осей. Быстро утопал в черно-зеленой жиже... Рулившему чеченцу вовремя крикнули, он успел выпрыгнуть.

Брезентовый верх федерального уазика скоро полностью

погрузился в темную воду, выпуская пузыри воздуха. Сел на дно. Была машина – и нет ее. Последний пузырь воздуха был, как шумный прощальный вдох-выдох.

Чичи разворачивались, довольные, еще бы! – в их грузовичке автоматов было под завязку!.. И как напряженно, глухо чичи гудели. Оружие, как алкоголь. Людская масса оружием делается вдруг возбуждена. Гудит... и так странно!.. в такую вот минуту.

А майор Гусарцев уходил со «стрелки» в одиночку и в тишине. Сзади, за спиной, чеченцы. С пачкой денег он уходил. Один... Чистый адреналин!

С полкилометра шел Коля к своему джипу. Возвращался... Туда, где лес. Где вокруг тишина. Где в джипе на переднем сиденье сидел солдат и неумоимо рыл в ноздре пальцем.

О затонувшем «уазике» майор Гусарцев, разумеется, положил в штабе сразу. Автоматы слишком глубоко. Машину засосало, с дна не поднять. Кран туда не подъедет. Сам утонет.

Приехали проверить: тот же Гусарцев (от штаба) и хитроватый следователь Луковкин (от отдела по расследованию). Луковкин с ходу вцепился в проезжавших мимо. Останавливал. Выспрашивал. Тряс поодиночке... Но проезжали здесь редко. Никто ничего не видел, не знал.

Впрочем, следы на траве сами неплохо показывали место затопления машины с тяжелым грузом. Да и майор Гусарцев

охотно помогал следствию – бросал в зеленую болотную воду камешки... здесь!.. и теперь здесь!.. указывая все точнее и точнее, где затонул уазик. Удалось проложить и настелить по краю болота доски. Чтобы хоть сколько-то поближе к утонувшей машине. Чтобы видеть сквозь болотную воду вглубь сколько удастся.

Ну а теперь кое-что еще!.. Хитроватый следователь Луковкин сбегал к своей машине и достал особый выдвижной крюк. Штуковина, говорят, была Луковкиным запатентована и носила некое условное имя. Однако в простоте солдатской называлась «хер Клинтона». Юморок! (Придумали, конечно, связисты. Всеслушающие – это всезнающие.) И вот, шаг за полшагом, тыча, прощупывая болото там и здесь, наткнулись. Машину под водой обнаружили.

Оба солдата Луковкина, крепкие и мощные, из сибиряков. Длинный и мощный металлический крюк (с ручками для тяги и для манипулирования) был им под стать. Когда солдат крюком терзал вязкое дно, другой солдат возбужденно кричал: «Еще! Еще!..». Солдатам нравилось прощупывать мягкое. Итак, нащупана машина была... но вот чья она?.. Покрытая крепким брезентом... Вытащить бы хоть один автомат... но вот как?.. Внутри затонувшей машины, увы, не забраться!.. Солдаты уже шарили крюком просто по кругу. На случай... В пустой воде.

– Не помочь ли чем? – поинтересовался у Луковкина улыбающийся майор Гусарцев.

– Нет.

Луковкин перекурил. Минуту-две Луковкин ласково поглаживал своего «Клинтона», а затем снова за дело. Посвистывая, он сам нащупывал крюком в болотной жиже... Что-то этакое. А затем велел обоим солдатам взяться за свободный конец крюка и рвануть.

Не так-то просто. Два здоровяка-сибиряка рванули еще... еще!.. Тужась, они, точь-в-точь как чеченцы, даже, пожалуй, слаженнее, издавали трубные звуки... Война!

Еще и еще! И вот «хер» стал всей своей длиной выходить из воды. И вдруг пошел быстрее... быстрее... С добычей... Сорвав и зацепив, сибиряки выудили из жижи номер машины. Чего, собственно, и хотел хитрован Луковкин... Но номер честно совпал. Сомнений не осталось: на дне лежал складской «уазик».

Глава пятая

Отец... Когда я вернулся в Ханкалу из Гудермеса, меня ждал сюрприз. Все-таки он приехал. Нагрязнел!.. Отец появился здесь, в Ханкале, внезапно и совсем не вовремя. И конечно, незванный. Он вроде бы дал телеграмму... Вроде бы... Не зная адреса... А по приезде он собирался найти меня по фамилии. «У тебя же моя фамилия», – сказал он после.

Появившись в Ханкале, он с самого утра болтался на улицах. Прямо с поезда – в интересную жизнь. Вместо того чтобы увидеть сына. Однако для чего-то ведь он приехал?.. О да!.. Побазарить с солдатами. Огромный круг интересов! С неким контрактником Дубовым. Хотелось узнать, порасспросить насчет войны... Как-никак – отец майора Жилина! «Знаешь, дед, сколько здесь таких майоров!» – сказал ему некий контрактник Дубов. Но мой отец умел в две фразы навязать спор. Прямо на улице... Как бы вежливо. И как бы бесцеремонно... Хитро щурился. И презрительно плюясь сквозь плохонькие вставные челюсти.

Как идет война? Как воюем? В общем и целом, а?.. Его, мол, интересуется высокий (ирония) настрой нашего воинства... Страна, конечно, наплевала на пенсионеров. Стариков забыли! Однако мы, старики, не забыли страну... Мы в строю, витиевато рассуждал он. Сын?.. А что сын?.. Да, он отец майора Жилина, и он не делает из своего приезда в Чеч-

ню большой тайны... Но майор Жилин, как ему сказали, пока что занят. Майор Жилин все в делах, в делах!.. Ждем-с!

А майор Жилин уже два часа кряду сидел у телефонов (мобильный и рядом офисный) и гонял желваки. Я нервничал. И совсем не хотел бегать по Хан-кале... Выказывая всем и каждому свое слабое место.

– Отец твой. Ты уже видел его? – мне беспрерывно звонили. – Он хорошо поддатенький. Он издали похож на пьянь, а?.. Извини... Да, да. Симпатяга старик... Если бы не пил...

Они, кажется, с большим удовольствием мне звонили:

– Если бы не пил... Но лицо светлое. Такой белоголовенький. Щупленький. Аж светится... И говорит! так охотно говорит!

Доброхоты добавляли:

– Нагуляется – придет. Ты, Александр Сергеич, не волнуйся. Патруль его не забирал.

Но осторожный Крамаренко уже занервничал.

– Мишень приехала, – кратко выразился он.

Из далекого зачуханного Ковыльска-на-Урале. Городишко такой. Ясное дело, нашлись добряки советчики... Навести, мол, сына. Ну, что ты за отец! Там какая-никакая, а война... Сынок будет рад! Многие отцы своих в Чечне навещают... Весь этот хитрожопый бред кто-то впаривал вашему отцу в вашем Ковыльске... А ваш папаша и рад – в путь! в путь!.. Не в грязь же лицом! Небось, весь ваш долбаный городишко денжат ему в долг собирал.

– Но-но. Ты уж слишком. Мой родной город, – одернул я Крамаренку.

Крамаренко не мог поверить, что старик отец сам по себе рванул в Чечню из простенькой жажды обновить скучноватую жизнь. Он не знал моего старика!.. Инженер-строитель, одинокий и вдруг выпихнутый на пенсию. Неудовлетворенный, непонятый... С потребностью выпускать лишний пар. С пышным (чуть выпьет!) слогом... С любовью к Ахматовой... Настоящий выпивающий совок. Сейчас он у ханкалинского дощатого пивного ларька... Он счастлив. С четвертинкой в кармане. Момент торжественный!.. Стоит, опершись, прислонившись к стенке, и вдудонивает какому-нибудь контрактнику про малые войны и про обесславленную Россию.

В моей казенной квартирке (она же офис) отец мог оставаться только до семи вечера. Таков запрет... Таков складской устав... Даже отца нельзя. Никого... Но тем лучше!.. Крамаренко проблему отцова ночлега решал оперативно. Старику нужен привкус войны – и потому Крамаренко разместит моего курящего и пьющего папашу в пакгаузе-8 (когда-то заставленном штабелями снарядов... ага!.. а ныне заваленном солдатским обмундированием). А ныне там горы гимнастеров и обуви... И настоящий канцелярский стол для учета, за которым, уставившись глазом в калькулятор, сидит кореец Пак и строчит... строчит... Заполняет накладные.

Здесь же жесткий топчан корейца. (Пак не спал в казарме.) Но слева же есть и второй топчан! Запасная постель. Тихо... Скромно... Немного подванивает складированной обувью... Пусть!

Там и будет жить (и спать) мой отец. Будем общаться. Пакгауз-8 отгорожен от остальных. Майор Жилин будет приходить сюда в свободное время.

Я буду приходить к нему в этот пакгаузный закуток... По зову родства...

Я даже настроил себя, чтобы в первый же вечер мы с отцом побыли с глазу на глаз. Так что я загодя отослал Пака к Крамаренке... Займи его делом... Пусть, кстати, меж делом кореец выберет в списанном складском добре моему отцу камуфляж (неброский), обувку... белье добротное... И вообще задержи корейца. На время.

– Эх, Александр Сергеич... Чтобы Крамаренко не нашел чем занять солдата. Была бы солдатская шея, а уж хомут будет крут.

Я приготовил отцу (руками Крамаренко) теплое место, я приготовился (душой) сам, а отца не было – отец всё бродил по Ханкале. Мы ждали звонка. На улицах Ханкалы патрули, не очень-то на виду повыпиваешь. Правда, и отец был очень в этом процессе опытен. И неуловим. Возлияния на ходу... Почти на бегу... Он выпивал гениально, по-другому не скажешь. Его не поймать! При случае старикан умел контрата-

ковать – мог постоять за свое право выпить. С блеском!... С цитатами!

Наконец позвонили... Майор Жилин? Прошу прощения... Я – младший лейтенант Зуев... Должен вам сказать...

Я знал, что именно лейтенант должен. И сразу пошел, поспешил к воинской КПЗ... Отца, ожидая меня, загодя выпустили из обезьянника. Он уже вышел и сидел на скамеечке. С ним рядом сидел младший лейтенант Зуев... Который заулыбался мне уже издали... Мне сдавали отца с рук на руки.

Мы наскоро обнялись. Отец был заметно под хмельком. Он немного таращил глаза.

Сдали мне его без словца упрека. И вообще стояла тишина. Вверху только барражировал вертолет.

Дорогой отец оправдывался, что слишком увлекся, когда базарил с контрактником Дубовым. И еще прапор Горячий... Недоразвитые, отсталые люди! Ничего о стране... Ни одной новой идеи. Все только бабы. И еще блин... блин... блин...

– А ведь я, сын, приехал к тебе... Хоть ты и не хотел!.. Да, да, не хотел!.. Я ж не виню... Я приехал из-за нескольких жгучих идей, переполнивших мою седую башку.

Он прямо-таки бурлил. Меня не задевал смысл его слов, я их почти не слышал, не понимал. Волновал звук его голоса. Отец мало переменился. Неостывший старый вулкан.

Идти к складам недалеко. Но и посреди короткой дороги

он вдруг надумал приостановиться. И прямо спросил:

– Ленин – мессия?

Я опешил на миг. Я только пожал плечами.

– Отвечай...

А я не ответил, только приобнял его. Только обнял... Родное тепло отца. Родное тело... У меня заплясало сердце. После этого можно долго молчать. Можно было не спешить с ответом.

Мы быстро пришли.

В пакгаузе-8 мы сидели за писарским столом корейца. Какая тишь! Время остановилось. Это мой отец.

Мысли куда-то провалились. Я пришел в себя, вдруг понимая, что отец опять спрашивает... Деловито... Уже дергая меня за рукав:

– Сын. Наш первый большой разговор, а? Наконец-то... Ты поставишь бутылку отцу... Я ведь с поезда...

Я засмеялся. Я очнулся... Он уже день как с поезда. Но ведь это мой отец.

– Я принес, принес, – и он выволок из кармана какое-то ларьковое пойло.

– Э, нет!

Я позвонил Крамаренке, и тот прислал солдата. Солдат прибежал! Все было готово загодя – все уже ждало нас. Выпивка и еда. На большом подносе.

Кругом нас складские полки. Одна над другой... Заваленные обмундированием... Пакгауз-8 особый. Здесь тихое

царство Пака... писаря, которого вместе с его чистописанием на весь вечер зафрахтовал Крамаренко.

Бумаги чистюли-корейца мы сдвинули далеко в сторону. Бумаги вон!.. А отец пересел, чтобы быть напротив. Чтобы ближе. Чтобы глядя мне глаза в глаза... Сидя вот так напротив, пьется и закусывается вольготнее.

И тишина... Как вступление.

И тусклая лампочка.

И отец... Поднос... Рюмки... Закуска... Отсвечивающая бутылка... Красота кровной встречи!.. Бывает же так, что начинаешь свободно дышать только в каком-нибудь закутке.

Уже по телефонным разговорам (время от времени я звонил отцу в родной зачуханный Ковыльск-на-Урале) было понятно, сколь энергично мой отец сдвинулся в сторону политики... Но это ж крен многих пенсионеров. И пусть, пусть!.. Что мне!.. Пусть отец говорит. Пусть говорит что хочет... И как хочет... Я ему не помеха. Уже со второй, я думаю, стопки его понесло. Заговорил!

Это был нелепый, но яркий и вдохновенный забег в будущее... Высокий бред пенсионера о торжественном возвращении великой идеи социализма. О том, как (как именно) вернется к людям почти погибшая и прекрасная социалистическая идея... В России социализм не ужился... Это факт. Это правда. Это горькая правда, сын!

Россия, сын, в смысле идей уже никакая... В смысле социализма... Она перенапряглась... Она надорвалась.

Он широко развел руками:

– Но ведь есть другие народы! Они вполне чувствуют нашу неудавшуюся историческую миссию... Ты, сын, хочешь сейчас услышать всю правду?

Сказать честно, я не хотел. Ни о России. Ни о других народах... Я здесь достаточно об этом знал... Но зато я очень хотел бы услышать про мой тихий Ковыльск-на-Урале... Чем там живет мой старенький отец? И не перенапрягся ли он с выпивкой?.. Как там наши улочки?.. Старые клены... Развалилась ли моя школа № 9...

– Какие улочки! Какая школа!.. О чем ты только думаешь, сын!

И он опять и опять о своем... Нормально! – в который раз одернул себя я. Это же нормально... Пьющий наш старик с идеями. Выпивающий нынешний пенсионер. Это уж обязательно, что он с идеями. Иначе он и не наш...

Его и впрямь было не остановить:

– Вспомни христианство, сын... Для сравнения, а?.. Христианство не выжило в Израиле?.. Отвечай!

– Не выжило.

– Возникло там. Зародилось там... Но – не выжило. А теперь припомни, как и когда это поражение отозвалось... как оно аукнулось в Европе после... Как спохватились!.. Вспомнил?.. Вся Европа заболела Гробом Господним... Рыцари со всей Европы кинулись туда. Выручать! Освободить!.. Крестовые походы... Иерусалим стал мечтой!

Фантазия отца, как всегда, не без логики... Я молча пил... Пусть выговорится. Оказывается, как Израиль в свое время остался без христианства, так Россия в наши дни – осталась без социализма... И израильтяне, и русские – родить родили. Вложили в роды страсть и кровь. Но... Но, увы, не вырастили.

Оказывается, Китай... Что? что?

Вот тут я решил, что ослышался.

Но нет!.. Оказывается, Китай... Китай!.. Вот он, народ, который спохватится о потерянном, об утраченном нами социализме. Ты, сын, думал об этом?

Не дождавшись ответа, он поспешил развить свою мысль. Бурно, напористо!.. О китайцах, которые вот-вот кинутся сюда, к нам... Как новые крестоносцы... Как рыцари. Через Сибирь – к нашим пятиэтажкам... Нет, нет, не грабить! Не заселять!.. Они придут с идеей! С нашей же, вернувшейся идеей, сын!.. Придут миллионами... Но не бойся их! Не бойся!

Его волновали, его будоражили уже нюансы этого близкого (как он считал) будущего. Конкретности китайского прихода... Ведь пытались же христиане освободить Гроб Господень?.. Ведь шли же войной в Палестину... в Иерусалим... Ради идеи...

Почему бы китайцам не попытаться освободить Гроб Ленина, а?!

Как ни готов я был к любой предложенной мне истори-

ческой развязке, – не ожидал. Никак не ожидал... На миг я похолодел. Надо же так!.. Китайцы у мавзолея. Момент истины... Его воображение так легко рисовало гуманных хунвейбинов, вал за валом спешащих к Москве.

– Батя. Остынь... Да ты свихнулся, – сказал я сердито.

Он удивленно смотрел на меня:

– Это ж просто идеи... Высокие идеи, сын... Беседуем... Разве нет?

Он засмеялся, но уже как-то смущенно:

– Я даже стих про это накропал... Ну, не стих, а только две строки. На тему...

Он опрокинул полнехонькую стопку в рот. Не пролив и капли. Недрогнувшей рукой. Великолепным жестом!

– Только, сын, не кори старика. Я ж не поэт... Стих только для поддержки этой жгучей мысли.

Он любил старое слово «корить», укорять. Был уже на сильном взводе.

Я кивнул – читай, отец... Я не укорю... Читай.

– Но сначала по рюмочке, а?.. Сын?

Я опять кивнул и взял свою задержавшуюся стопку. А он себе новую налил. Полнехонькую... Выше краев... Крамаренко организовал нам отличнейшей водки.

Откашлявшись, отец тихо (неожиданно тихо) произнес свои две строки:

Еще, конечно, впереди

Освобожденье
Гроба
Ленина.

Пожевав колбаски, отец пояснил, что вторую, главную строчку стиха надо читать, как у Маяковского... Ты, сын, знаешь – моя любимица Ахматова. Но здесь... Здесь нужна зычная торжественность. Лучше Маяковский... Лесенкой... Ступеньками...

Мы помолчали.

Отец добавил, пожимая плечами:

– Вот, собственно, всё... Жаль, рифмы нет. Не задалась рифма.

Мне (под очередную рюмку) вспомнился подвал в нашем старом доме... в Ковыльске... Земляной, глубокий подвал, там воняло крепким духом моченых арбузов. Засоленных с укропом, с солоцким корнем, с несколькими яблочками... За этими яблочками я и пробрался тогда... Только-только хотел запустить руку в бочку. Шаги... Отец... Я спрятался за второй, за последней бочкой. И замер.

Отец, помню, вынул из первой небольшой арбуз. Хрустко разломал его... Я видел впалый бок арбуза... Отец был пьян и хотел закусить. Моченый арбуз – большая вкусовая радость для пьющих. Смог он укусить пару раз или нет, я не увидел. Зато услышал... И еще услышал, как отец застонал, так было

вкусно... Умел пить, крепкий мужик!

Да и сейчас, хотя суховат, он был крепенький старикан. Прочитав пророческое двустилие, отец напряженно замер... Пауза... Он ожидал за свой стих большего, чем похвала... Чего-то большего. Он не знал, чего именно, но знал, что это большее существует.

Меня, надо признать, морозец продрал. Даже сквозь водку. При мысли о миллионах китайцев, которые ринутся... уже ринулись... идут по нехоженным сибирским дорогам. Я кожей оценил стих. Я как-то слышал, что от настоящей поэзии мороз по коже... Что-то подобное было и сейчас... Ощущимая зябкость. Вдоль позвонков... Так что я с уважением подумал в ту зябкую минуту – не о стихе даже. Об отце.

– ...А как думцы?.. Неужели, сын, наши выкинут Ленина из мавзолея?

Он, кажется, боялся, что китайцам ничего не достанется. В сущности, тоже люди. Так долго шли!.. Спешили. Таковыми дорогами пробирались и топямы! А в домике-гробике пусто!..

Провинциальная милота и тишь отбросили отца назад лет на пятнадцать-двадцать. И законсервировали... Москвич или петербуржец его поколения пел бы мне сейчас про демократию. Бодался бы с властью. Что-нибудь интересное!.. Сошел бы с поезда – и сразу всерьез о правах человека, о выборах, а мой старикан что нес! С ума сойти!

А мой старикан опять нес пургу... На Красной площади...

Суэта у мавзолея... Освобождение Гроба. Смена нашего караула на китайский... Со вскинутыми штыками китайские гвардейцы чеканят шаг... Всё ближе... Аж мурашки, когда мой отец вдохновенно и опять про Гроб... И китайцы во круг... китайцы... китайцы... вся площадь... Их же придут миллионы!

Он все равно не дал бы возразить – и зачем, сын, спорить?! Мы, мол, с тобой просто люди, и против Истории мы с тобой ничто!.. А они придут, придут скоро.

Вкусно причмокнув, отец произнес:

– Миллионы.

И вдруг он впал в ступор. С открытым ртом...

Мой старик даже привстал со стула. Онемел. Его можно было понять.

На пороге... В дверях... Там возник Пак.

Почему-то с котелком. И со своим автоматом на плече.

После пяти или шести полновесных (по самый край) стопок отец мог думать, что час «икс» пробил и что первый из китайцев уже здесь. Отец выпучил глаза... Известно, как сильно удивляются пророки, когда их собственное предсказание сбывается.

Однако минута-другая, и мой отец преодолел себя – пере-силлил краткий, но поистине космический кошмар. Старый строитель весь распрямился... Поднялся со стула. Весь на уральской отваге. Он выпятил челюсть:

– Кто тебя звал? – спросил он грозно.

Тихонький маленький кореец затоптался на месте... что-то мяукнул... мямлил... мол, ему время спать.

Я вмешался – это теперь твой сосед, отец... Наш писарь Пак. Наш солдат...

– А!.. Тогда знакомь.

И отец, вот умелец выпить, сделал, не качнувшись и не дрогнув, два крепких шага навстречу. Не поленился... И с щедрой провинциальной улыбкой протянул писарю руку.

А уже на следующее утро я был вызван в Гудермес разбираться с исчезнувшим составом бензина. И плюс два дня в их тупике на товарной – выяснять, где чей мазут... Никакая не коррупция. Просто хаос! Бардак!.. Не воровство, а хищение. (Коррупция – это уже какой-то уровень. Это уже какая-никакая культура, – как сказал во всеуслышанье один из штабных генералов.)

Цистерны перехватывали на самом подъезде к Грозному... Буквально за километр... Их отгоняли. Их даже перекрашивали...

Приходилось проверять каждый тупик... Я выискивал, крутился, но все равно убытки!

А без меня что было делать на складе отцу? В одиночестве. Неудивительно, что он рвался на ханкалинские улицы... Увы, увы! Патрулям была дана строгая команда – старика, отца майора Жилина, не трогать, пусть выпивает... Его дело... А вот солдат-халявщиков от старикана отгонять

непременно – гнать в шею. Чтоб не бил с кем попало. И чтоб никаких обсуждений... Пусть себе ходит-бродит. Пусть устанет ногами.

Могу только представить, как мучилась в его одинокой душе идея возврата социализма... Рвалась изнутри. Распирала душу... И какая же злая мука – спор без собеседника!.. Идея задыхалась сама в себе. Идея сидела со стариканом рядом на паршивой скамейке и страдала, помня свое бывшее величие. А люди, даже халявная солдатня, шли себе мимо.

Отец возвращался к ночи в пакгауз-8, не выговорившийся, утомленный. Отец доставал едва початую бутылку. По сути, невостребованную!.. Отец сбрасывал тяжелые ботинки... И наконец целый вулкан слов обрушивался среди ночи на тихого вежливого корейца.

У Пака возникли большие проблемы со сном.

Отец говорил подолгу. Настаивал на полноценной беседе. Что ж спать!.. Почему не отвечаешь?! Если отец вдруг о чем-то задумывался, кореец тотчас пытался вздремнуть. Хоть немного... Особенно если отец в хмельном раздумье съезжал со стула... И молча сидел на полу. Но промежутки тишины были слишком малы.

Едва Пак засыпал – отец просыпался. И снова и снова рассказывал он корейцу о построении миллионов на Красной площади. О китайских народных плясках на Васильевском спуске... Пак каждый день жаловался Крамаренке на недосып, однако же он так и не стал ошибаться в своих безуко-

ризненно оформляемых бумагах. Просто в его глазах стоял туман.

Только на четвертую (или пятую) ночь, как раз когда я вернулся, оба наконец устали... и спали. Особенно сладко спал Пак. Эти невинные ароматы непьющего писаря!.. Зато справа висел густой дух крепкой выпивки... Там, в соседстве с горой солдатских гимнастерок, стоял отцов простенький топчан. Я присел на край.

По полу тихо перекатывалась пустая бутылка. Все-таки отец перешел с водки на дешевое пойло... Я не решился будить. Я тоже был усталый. Я просто посидел около... Отец... Его усы... Его мощное сонное дыхание.

Я вспомнил забытое. Он учил меня в детстве натягивать сапоги... Утром, когда в школу... Высокий подъем ноги. У многих. Уже с детства... Вся тогдашняя обувь – сапоги, валенки – все с трудом. Отец учил меня выждать. Ощутить миг сопротивления. И только тут еще и еще подтягивать голенище с усилием... Школа.

Пусть спит... Я протянул руку. Я хотел прикоснуться к нему. Погладить его высокий морщинистый лоб. Но он вскрикнул, и я отпрянул... С протянутой было рукой.

Крики были неожиданные:

– Маша! Маша!

Я так и сидел с отдернутой, как бы отброшенной кверху рукой... С пьяноватого, сладкого сна он выкрикивал имя не

мамы, а своей первой жены.

Мама была жена лучше, была вернее, чем та. Насколько я знал.

Я ушел к себе. Надо было поспать.

Однако ночь получилась тяжелой. Только я лег – разбудил Крамаренко. Один из солдат-грузчиков сломал руку. Я быстро вновь оделся и еще быстрее пошел к погрузке. Это у второго пакгауза... Я забеспокоился – как-то вдруг, мимо-летом, подумал, что поломался один из моих шизов-контузиков. Из бродячих...

Отправлять их в родную воинскую часть надо вместе, обязательно вместе. Они составляли пару. Алик и Олег.

Тяжелая ночь тяжела с первой минуты... Солдат сидел от погрузки в сторонке – уже выбитый из обычной колеи. Сидел прямо на земле, ждал судьбы. «Идет фельдшер! Уже идет!» – повторял ему Крамаренко.

По силуэту солдата я понял, что шизы целы... поломался кто-то третий. Я подошел... Ваня Клюев. Безотказный на работе. Почему ломаются самые тихие? – легкий вопрос и легкий ответ. Я присел на корточки с ним рядом... Сейчас, Ваня, отправим... Не робей... В медчасти лучше, чем здесь... А какие там медсестры!

Я почувствовал себя машиной, которая ломает солдатиков. Склад на войне – такая машина. «Это хорошо, Ваня. Поверь... Ты там жирком обрастешь.

Повеселеешь!» — я был и ломающей, и утешающей машиной. Подбадривая, я рассказывал ему анекдоты о медсестрах, очень старые.

А на самом трудовом месте, у открытого заднего борта грузовика, я видел своих двух контузуиков. Вкалывали!.. Конечно, там. Они безотказные. А как, мол, иначе?.. Зато опытные солдаты-грузчики, конечно, жухали. Как бы трудиться поменьше. Как бы еще разок сбегать отлить... Все они... Кроме этих двоих. Да еще Вани, уже поломавшего руку... Чуть ниже локтя. Ваня придерживал руку другой рукой. Лучевая кость. Это на месячишко!

Один из двух грузовиков загружался с лентой. Я строго окрикнул солдат. Я, мол, все вижу... Но помалу они все равно сачковали. Устали... Неделя была авральной, погрузка-разгрузка. И сплошь солярка — бочки! Подпрыгивающие в накате! Ночью — это тяжело. *Тюлени*, — так почему-то называют бочки с соляркой. Гимнастерки солдат мокрые... Рожи красные.

Я сидел с Ваней, но опять встал... Ага! Я присмотрелся. Да там и впрямь нелады. Ну-ка!

— Шестаков!.. Ко мне! — крикнул я, выдергивая одного из солдат-грузчиков к себе поближе.

Солдат подошел, дышал тяжело. Этот не притворялся... Но тем хуже для него.

— Почему не потеешь? — спросил я. — Повернись. Повернись! Не прячь спину!

Я потрогал, еще и похлопал ладонью по его сухой спине.
– Не пил. Клянусь... Честно... Не пил, товарищ майор.
– Дыхни.

Алкоголь обезвоживает организм. Но сначала связывает воду внутри нас. Солдат дышал каким-то жутким дыханием, и я поманил к себе рукой Крамаренко.

– Сейчас, сейчас, т-риц майор! – Крамаренко следил за погрузкой у дальней машины. Там забарахлил автоподъемник бочек. Судя по звуку.

Крамаренко подошел к Шестакову и, ничего не спрашивая, придвинул ноздри. Тоже нюхал. Однако солдат действительно не пил. У нас, увы, уже был такой опыт. Почки... Или сердце... То, что не давало солдату при ночном сверхнапряжении потеть, мог унюхать-определить только врач... Пусть врач и разберется. Солдат потому и отлынивал, быть может, что почки ему подсказывали. Почки ему нашептывали, обе сразу: «Не спеши, солдатик. Ты не из долгожителей...».

Я отправил его в казарму. И чтоб с утра к врачу.

Что поделатъ! У нас не хватало рук. Не хватало мощных плеч, трицепсов, крепких прессов... Не хватало стальных позвоночников... И много чего еще.

Крамаренко думает о том же. Предлагает – может, еще раз из бродячих... из отбившихся от своих рот солдат взять и пригреть еще парочку.

– С ума сошел, – фыркаю я. – Я с этими двоими не знаю, как быть. Жалею, что взял.

Мы подошли глянуть на них. Контузики вкалывали. В крепкой пятерке грузчиков... Быстрей! Быстрей!.. Хороший, ровный ритм. Ворочали и катили бочки... Прямо из складских дверей к откинутому борту грузовика, а там тяжелого тюленя принимали в две пары рук и ставили на попа.

Словно почувствовав, что о них вспомнили, Алик прервал накат бочки и шагнул в нашу сторону... Запыхавшийся.

– Товарищ майор! Когда... – он прихватил воздуху в глотку. – Когда?.. Отправьте нас к своим...

И Олег тут же. Этот прямо с бочкой... Он ее катил мимо нас. Увидев, что переговоры, так и застыл... Придерживая бочку на скате... Готовый покатить ее дальше. Если я или Крамаренко прикрикнем.

И тоже подал просительный голос:

– Мы надеемся.

Я спохватился. Я не считал дни, но они-то, конечно, считали. Неужели пролетел месяц?.. Нехорошо, майор!

– Крамаренко, – мой голос тверд, я хозяин. – Свой месяц они отработали?

– Отпахали, т-рищ майор.

– Уверен?

– Уже два дня лишних... Если считаться.

Крамаренко загибал пальцы, пересчитывая дни... Оба солдата ждали. С волнением.

Я сказал:

– Ладно, ладно!.. Все помню... Как только колонна будет в сторону вашей воинской части – отправлю.

– Мы старались... Мы работали... М-м-мы пахали, товарищ майор.

Тут я уже прикрикнул:

– Сказал же – помню!

Алик кинулся в темноту склада, чтобы схватить заждавшуюся бочку. Олег рьяно покатил свою, замершую на скате... Как только контуженные подключились, поток бочек наладил ровность подачи... Бочки шли мягко, одна за одной... Плыли. Текли. Настоящий ручей! Чуть только прыгали...

Ну, то-то... Мы не могли оторвать глаз от контузуиков. Как честно работают больные на голову... Как ровно!.. Взять, что ли, еще пару? Набрать взвод контуженных. Кому-то смешно.

Крамаренко побежал к забарахлившему автоподъемнику. У третьего пакгауза. Пора, пора купить новый!

Алик и Олег, они оба *бродячие* – уцелевшие из на две трети уничтоженной чеченцами колонны. Одуревшие после близкого разрыва... Забились в ямку. Уползли... В непролаз кустов. Когда бой (не бой, а избиение) уже кончался... Их рота с большими потерями ушла. А они, контуженные близким разрывом, жались друг к дружке и ползли... Олег стонал от нестерпимой головной боли... Отползали все дальше, слыша, как там, в ущелье, чичи добивают наших раненых.

Днем спали в перелесках и даже прямо на обочинах, а ночью — шли.

Отбившиеся от своих после боя, одичавшие солдаты — известная странность этой войны, где нет линии фронта... Ша-тающиеся от голода. Воняющие козлом...

Они забывали номер своей воинской части. Забывали, как зовут ротного командира. Все отшибло... И, не дай бог, утеряно оружие.

Комендатура — это первое, что их ждет и приголубит. Где был бой? Где колонну разгромили?.. Ах, он не знает. НЕ-ЗНА-АЕТ... Как это не знаешь, ну-ка, не ври! Спрос всегда суров — а когда был бой? Какого числа?.. Как это не знаешь числа. Разрыв снаряда? Какого снаряда, если орудий у них нет?.. А разве у чичей были в том бою минометы?..

Пробираясь в Грозный, они бредут по ночной дороге — от горы к горе — чуть что — в кусты... В ночной тьме выдают из кустов друг дружке опознавательный сверчковый звук: «Ти-ри-ри-и... Тири-ри-и...». В отличие от чичей, которые изда-ют для своих негромкий высокий посвист.

Мой brave сержант Снегирь подобрал Алика и Олежку на самом подходе к Грозному. В каком-то перелеске они отсиживались... Классика!.. Зоркий Снегирь углядел их из БТРа. Попросил водилу остановиться... Стой!.. И свистнул прячущимся в кустах контузикам грубым двупалым сви-стом. Наш посвист. Эй, вы!..

Контузики выползли из кустов. И перебежкой к руинам

пятиэтажки. И с автоматами оба! Не как-нибудь!.. Переговорил с ними Снегирь быстро. Хотя один заика. И на броню обоих... Поехали!

Их только и волновало, сможет ли этот майор Жилин отправить их в родную в/ч после того, как они честно отрабатывают на его складе.

– Шеф все сможет, – сказал Снегирь. – Наш шеф всем шефам нос утрет.

Это про меня.

И привез их... Первый из них, Олежка, надо, не надо вытягивался и отдавал честь. И вопил: «Присяге верны!»... Второй вовсю заикался, и глаза на мокром месте. Вернее, один глаз. Плачущий левый глаз. И левосторонний легкий лицевой тик... Воняло же от них... Это сейчас они благообразны. Отмылись, отъелись.

Когда сержант Снегирев привел их прямо из перелеска к Крамаренке, а Крамаренко – ко мне, я спросил:

– Чего боитесь?.. Что у вас такие напуганные рожи?

Отвечал мне Алик. Сильно перекашиваясь и заикаясь – м-мол, с-с-спрос будет... М-мол, тюрьма... Фээсбэ спрашивать будет... Я засмеялся: «У Фээсбэ только и дел контуженных спрашивать». – «Еще как спрашивают. А в комендатуре вообще ни слову не верят... Как это, мол, вы уцелели, когда колонну разгромили?.. Как это остались одни?.. Часть ушла в одну сторону, а вы в другую. П-п-почему?»

А еще дружок их там навсегда остался. Ощеренные зубы выставил... Застывший, замороженный подбородок мертвого пацана... Толич. Лежал в двух шагах... Толича доби́ли, а тебя почему-то нет. П-почему?

– Ладно, ладно!.. Но ведь вы со своими автоматами. Уже не скажут, что в бою бросили оружие.

Он опустил голову. И продолжал лить слезу. Из левого глаза. Прямо ручеек.

– С-с-страшно... Огонь шквальный... Мы отползли в кусты.

Запуганы... У солдат много страшилок. Пробираясь сюда, на стыках дорог они натыкались на других запуганных, а те порассказали им своих страхов. Было, чем делиться.

Притом что все они, бродячие, знали одно спасение и один выход – вернуться в свою воинскую часть.

– Месяц поработаете у меня на складах. Ровно месяц... Потом отправлю в часть, – пообещал я.

Оба закивали. Согласны!.. Мотали башкой – да... да!.. А Олег на всякий случай еще разок отдал честь. Присяге верны!

Через Колю Гусарцева я узнал, что после пополнения их рота была отправлена под Ведено. Жаркое местечко!

– Может, кого из охраны? – предлагает Крамаренко.

– А?

– Перекинуть в грузчики кого-то из охраны?

На этой нехитрой мысли мы с Крамаренкой пока что оста-навливаемся. Хватит с нас наших контуженных. Попробу-ем!.. Завтра он принесет мне поименный список наших сол-дат, охраняющих склады. И сам будет стоять рядом. Крама-ренко знает каждого... Будет водить по списку пальцем, под-скажет – здоровяк ли?.. Годится ли в *краснолицые*?

Между делом он стукнул мне на отца.

– Александр Сергеич... Не сочти за упрек... Твой отец здесь много пьет.

– Он везде много пьет.

– А не давай денег.

На другой день отца все-таки отловил патруль. Нако-нец-то решились... У него отобрали его паспорт... Началось с криков на улице. Отец прижал к стене очередного кон-трактника и крутил ему пуговицы... Затеял спор о войне... О начале и причинах... Как идет ход войны? Засады чечен-цев на дорогах – агония войны? Или ее новый виток?..

– Вашего папашу кое-кто приметил, – говорит мне на стройке склада чеченец-рабочий, еле шевеля губами.

Совсем тихо-тихо.

У меня екает сердце. Кто приметил? Наши или чичи?.. Судя по тому, как он шепчет, чеченцы... Шелестит губами. Чтоб не слышали даже эти недостроенные стены. И эти гро-мыхающие под ногами деревянные настилы.

Конечно, пока что слушок. Отдаленный и невнятный...

Однако вполне достаточный, чтобы я наложил в штаны.

Случаев с умыканием родственников немало. (От пивного ларька – напрямик в горы.) Грозный как раз наполнился свежевобритыми чеченцами. С белыми, незагоревшими скулами на месте вчерашней бороды... У них были выправлены бумаги... Они, мол, теперь сотрудничают с федералами. Со вчерашнего дня... Отличнейшие бумаги! Но запах гор не скрыть. Даже свежевобритые, они подванивали. Когда такой протягивал свою бумагу, патруль, как по команде, зажимал ноздри и отступал на шаг назад... Дело в том, что в Грозном в эти дни перебои с водой. Мы не мылись... Так совпало. Мы, сказать честно, все пахли сыром.

Конечно, охота за мной. Пьяненький болтливый старикашка – легкая добыча!.. Но это я буду у чичей на крючке. Я и мои склады. Я и мои бочки с бензином... Моя солярка... Мои (только что привезенные на склад гранатометы... пять штук) АГС-17... Если они отца схватят. И начнут меня доить... Эти идиоты могут думать, что я держу деньги при себе. Тем опаснее!

Отец появился к самому вечеру. Шумный, поддатый, он вязался к солдатам охраны у Больших ворот. Я слышал, как охранник себя сдерживал... «Ладно, ладно... Проходи!» – охранник с удовольствием не пустил бы на склад «майорова отца», вытолкал бы в ворота. Еще бы и пинка дал...

Я поспешил встретить, отец был в отличной разговорной форме. Глазки его бегали, блистали. Остренькие в вечернем

свете... Он имел в кафе... в кафе?... интереснейшую беседу с неким контрактником Запасецким.

– О самом начале этой войны... Дуда хотел в СССР, верно?... Дуда ни за что не стал бы с нами воевать, если бы снова в СССР.

Я сдержанно улыбнулся.

– Он много чего хотел.

Я же знал про ханкалинские кафе. Поддатые контрактники в эти две кафешки носа не сунут. Боясь патрулей... Да, признался отец. Да, сидели не в кафе. Сидели на завалинке. Потом просто на траве сидели. Но что это по существу меняет?... Беседа получилась интереснейшая. Контрактник Запасецкий оказался умен и знающ. Но на самом пике вдохновенного спора его замели. Патруль!.. Молниеносно! Делать им нечего! Они здорово здесь наловчились. В две секунды!.. Такого философа замуровать в обезьянник!

Мы подошли к пакгаузу-8.

– Тебя не замели, – я улыбался. – Потому что ты им напомнил про майора Жилина?

Он возмутился:

– Ничего я не напоминал! Они и так меня знают!

Святая правда. За неделю гостевания его знали все патрули. Пора отправлять в Россию... И побыстрее, майор Жилин... В дальнюю дорогу. В вагон, на крепкую нижнюю полку, бутерброды, бутылец – и напрямик к его друзьям, к пьяницам далекого городка Ковыльска... Загостился!

Отец укладывался на ночь... Пак на своем топчане уже спал. Бывают же безгрешные люди. Затравленный писарь, уставший думать о полчищах возле мавзолея, завернулся с головой в одеяло. Маленький... Был как кокон.

Едва я уложил отца спать, звонок Рослика: отцу пора уезжать.

За отцом следили. Отца уже пасли, отслеживая потемнее место и пожестче обстоятельства. Настоящая охота!.. Рослик, весь возбужденный, кричал в трубку... Папашу на складе не запрещь, Александр Сергеич! А на улице подпоить старика ничего не стоит. Лишняя стопка! За хорошим разговором!.. Даже не оплатят его выпивку. С такой скоростью... Уволокут... Только и всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.